

**ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ**

23

МЮНХЕН 1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Рождеством Христовым	1
<i>А. Федосеев.</i> Турецкая проблема	3
<i>Д. Штурман.</i> Дьявол и его лики	9
<i>Н.А. Нефедов.</i> Четыре белых армии и испанская фаланга	15
<i>В. Кобылин.</i> Мысли о власти	21
”За вашу и нашу свободу” (Выдержки из статьи Я.Ю. Липского)	23
<i>В. Писарев.</i> Плановая любовь	25
<i>Е. Кармазин.</i> Экономические заметки (Пропаганда — под иным знаком)	29
<i>Э. Бройде.</i> Чеховские Университеты. 1881—1981.	32
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> Беседа о смирении	36
<i>Владимир Рудинский.</i> Обзор зарубежной печати	38
РЕЦЕНЗИИ	
<i>В. Пирожкова.</i> Драгоценный дар свободы	41
<i>Владимир Рудинский.</i> Правда о второй мировой	44
<i>В. Кобылин.</i> Чехов	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 23

Декабрь 1981

МЮНХЕН

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ

Мы поздравляем наших читателей и друзей с великим праздником Рождества Христова.

Если мы оторвемся от знакомых и привычных чисто внешних признаков рождественского времени, елки, украшений, предпраздничной суеты, подарков и пр. и попробуем вдуматься в то, что тогда произошло, то мы хоть на короткое время забудем о всей этой предпраздничной суете. Нас потрясет мысль о том, что тогда могло быть и что не осуществилось.

Рождение Бога в человеке так, что Он был истинный Бог и истинный человек, — это великая тайна. Постигнуть ее можно только верующим сердцем, а не нашим столь ограниченным и нередко лукавым разумом.

Он возвещал, что Царствие Божие приблизилось. Царствие Божие всем близко. Если б люди покаяться и приняли это Царствие... Что было бы тогда? Но они не приняли Богочеловека, не только те исторические люди Его времени, — все мы Его не приняли. Бог временем не связан. На Иисуса Христа, жившего человеком во времени и притом лишь кратковременно, обрушились не только грехи Его современников, но и грехи всего прошлого и всего будущего человечества. Они привели Его на крест. Он преодолел их, правда, воскресением. Но сначала прошел через крест.

Мир на земле людям Божиего благоволения и собственной доброй воли был возвещен. Много ли нашлось тогда людей доброй воли? Много ли их теперь?

В истекающий год манифестация злой воли представляется особенно наглядной. Не то, чтобы ее стало больше, но она предстала перед нами особенно ясно, персонифицированная в трех покушениях на трех ведущих в мире личностей, ведомых в большей или меньшей степени доброй волей: на американского президента Рональда Рэйгана, на Папу Римского Иоанна-Павла II и на египетского президента Анвара эль Садата. Первые два покушения не удались. Третье удалось.

Не покажется ли странным, что мы посвятим значительную часть рождественского об-

ращения политику и мусульманину? Какое отношение это имеет к Иисусу Христу? Но вспомним об обещании мира людям доброй воли. Анвар эль Садат, верующий мусульманин, был человеком мира и доброй воли. Да, он не понял Иисуса Христа, как сына Божьего, но и не относился к Нему враждебно, видя, как верующий мусульманин, в Нем пророка. И он был таким глубоко верующим человеком, что иной христианин и особенно христианин (или это слово надо взять в кавычки?) политик мог многое у него позаимствовать.

Убитый президент не был современным пацифистом, готовым отдать свою страну без сопротивления на растерзание любому диктатору и завоевателю. Когда он считал нужным, он вел войну, причем более успешно, чем его воинственный предшественник. Но, подняв дух своего народа, он использовал этот подъем не для разжигания ненависти, а для ускорения мира.

Много мужества нужно было для того, чтобы в атмосфере злобной истерии, разжигаемой иными арабскими политиками, поехать в Иерусалим, великий святой город трех религий, и сотворить мир с Израилем. И его дело мира было успешно, иначе не соединились бы против него люди злой воли. И внутри своей страны он хотел устроить мир между мусульманами и христианами. Как раз незадолго до его гибели опять-таки люди злой воли поставили под вопрос успех в этом деле внутреннего мира, и президент не остановился перед жесткими мерами в отношении прежде всего своих же агрессивных и полных ненависти к христианам мусульман.

”Вера дает ответ, когда вокруг становится темно”, — сказал Садат. На вопрос, какими качествами нужно обладать, чтобы прийти к власти и иметь ее, Садат перечислил некоторые из качеств, но затем сказал: ”Но самое важное — это воля Божия. В конечном, Он один определяет, кто получит светскую и тем самым, преходящую власть”. Да, Господь в конечном определяет, но свободная воля остается, — у

нас, христиан, она сильнее подчеркнута, чем у мусульман, — и человек может этой властью злоупотребить. Убитый президент старался прислушиваться к воле Божией и не злоупотреблять властью. На вопрос, не высокомерно ли думать, что Бог дал ему известную миссию, он ответил: "Это не имеет ничего общего с высокомерием. Я знаю, я просто чувствую, что Бог дал мне задание. Чтобы это заметить, надо иметь возможность познать самого себя, свою душу."

"Меня никто не убьет, пока Господь этого не допустит." Господь допустил. Отчего? Мы не знаем. Пути Господни неисповедимы. Но из твердого убеждения, что Господь ведет его и что Он поставит предел, когда найдет нужным, и до тех пор же никто не сможет ничего сделать, — Божие же решение надо принять, какое бы оно ни было, — вытекало бесстрашие египетского президента. Как нечто само собой разумеющееся принял он больного шаха и его семью, того монарха, которого так трусливо выставил из страны его бывший союзник, американский президент. Не обращая внимания на истерию вокруг кровожадного аятоллы, именно Садат сказал во всеулышание, что Хомейни — не настоящий мусульманин. Человек, который так глубоко верит в Бога, в Единого Бога, не может быть таким жестоким и кровожадным.

Верующий мусульманин Садат не мог не увидеть гибельности коммунизма именно как идеологии. Он не только изгнал советских "советников" из страны, и именно как коммунистов, а не как якобы "русских империалистов", он хорошо разглядел коварную тактику непопулярной и маленькой коммунистической партии Египта: они все время стараются внутри Египта натравить мусульман на христиан, а христиан на мусульман, хотя они обе религии одинаково ненавидят.

Но и этого мало: вопреки многим европейцам, Садат понял пагубность самого марксизма. На лукавый вопрос левого немецкого корреспондента, не могут ли марксистские структуры помочь в решениях проблем "третьего мира", Садат ответил в своем последнем интервью перед смертью: "Египет имеет опыт марксизма. Я прекратил эксперимент и ввел снова либеральную политику открытых дверей. Ответ на то, что плохо в марксизме, можно лучше получить в Польше или в Чехословакии. Или посмотрите хотя бы на ввоз зерна с Запада Советским Союзом. Нет, марксизм удваивает социальные проблемы под лозунгом: "Свобода общества стоит над свободой личности". Марксизм уничтожает личность. В Советском Союзе гражданин должен жертвовать себя государству, отдельный гражданин неважен."

Садат понял то, чего многие христиане или

те, кто себя так называют, не понимают: дело не в той или иной хозяйственной системе как таковой. Дело в том, что марксистский социализм отрицает личность. Он рассматривает человека только как инструмент, а не как образ и подобие Божие. Он уничтожает личность. И на этом фундаменте он и ч е г о хорошего построить не может.

Мусульманин Садат почитал Иисуса Христа только как пророка и не сумел понять Его как Сына Божия. Но он понял всю ценность личности, установленную еще в Ветхом Завете в словах, что Бог создал человека по Своему образу и подобию, и еще выше вознесенную Сыном Божиим, родившимся в свет человеком. И, хотя верующий мусульманин остановился перед этой границей, мы не считаем неправильным многое в его жизни и мученической смерти поставить в этот день в пример иным христианам. "Он жил для мира и умер за свои принципы", — будет стоять на могиле Анвара эль Садата. Многие ли из нас могут с правом сказать, что они жили для мира и умерли за принципы?

1 ноября этого года совершилось событие, которое для русских должно было быть очень важным. Зарубежная Церковь прославила убиенного императора Николая II, императрицу Александру Федоровну, великих княжен Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и цесаревича Алексея. Вместе с ними были прославлены многие российские мученики. Важно то, что в наше время, когда сильны тенденции соглашательства с режимом, напоминать о тех, кто принял мученическую смерть, кто не пошел на соглашательство. В №22 "Голоса Зарубежья" мы писали: "В первые времена христианства мучениками считали тех, кто отказывался воскурять фимиам римским императорам и шел на мученическую смерть." С убиения этих первых мучеников началась та трагедия, началось распространение той дьявольской силы, жертвами которой становится все большее число людей доброй воли, верующих всех религий.

Хорошо напомнить об этих мучениках, хорошо поклониться перед их мученической смертью.

Но отчего сделано все как-то поспешно? Отчего не опубликованы имена хотя бы тех мучеников, которые известны? Отчего совершенно прославление только одной юрисдикцией русской православной Церкви в эмиграции? И не следовало ли подождать, когда Церковь в свободной России смогла бы сообща сделать это прославление? Господь знает мучеников и святых. А прославление на земле не лучше ли было бы сделать всем сообща, а не только частью, и после широкого оповещения, тогда, когда остался бы минимум сомнений? Тогда как сейчас сомнения и недоумения охватыва-

ют очень большую часть верующих. Вряд ли есть много сомнений в достоинстве первых мучеников, но есть те сомнения, на которые мы указали.

Мы не берем на себя роли судьи и воздер-

живаемся от какого-либо решения по этому вопросу. Мы просим Господа Бога совершившееся прославление убиенных и замученных сатанинской властью направить на дело умножения веры живущих.

А. ФЕДОСЕЕВ

ТУРЕЦКАЯ ПРОБЛЕМА

В апреле этого года я проехал с туристской группой около 3000 километров на автобусе по западной, южной и центральной части Турции. Турция очень большая и стратегически очень важная страна размером в 3,5 Англии и с населением около 42 миллионов (в Англии 55 миллионов). Природные возможности Турции много лучше, чем у Японии. Если Турция, утратив свое бывшее могущество, не превратилась, однако, в такую же передовую и богатую страну, как Япония, "вина" целиком лежит на ее населении и государственном устройстве.

Важность стратегического положения Турции определяется тем, что это и черноморская и средиземноморская держава, контролирующая единственный морской проход из Черного в Средиземное море. Последнее является важным фактором в конфронтации военно-морской мощи СССР и Запада. Важно и то, что Турция соседствует с СССР, Ираном, Ираком и Сирией, т.е. расположена на территории Среднего Востока, так важного для остального мира в экономическом, политическом и военном смысле.

В Турции, к моему удивлению, оказалось много больше и более внушительных памятников древней греческой и римской культуры, чем в самих Греции и Италии. Среди древних памятников есть и такие, которые возникли за 3500 лет до Р.Х. В частности, первые непещерные жилища, построенные из камня, так называемые мегароны.

В древнем Пергамуме можно было видеть Эсклепию (от слова эскулап) — огромный комплекс древнего госпиталя с мраморными подъездными дорогами, украшенными мраморными колоннами. Комплекс включает в себя вторую в мире по размерам после Александрийской в Египте библиотеку (200 000 томов), многочисленные помещения для жизни и лечения больных, храмы и даже театр для пациентов на 5000 мест (!). В Эфесе раскинулся еще более огромный древний город с храмами, школами, дворцами, рынками, с огромным театром на 24000 мест (массовый зритель), с резервуарами для воды, библиотекой, с банями, спортивными залами, с бассейнами и фонтанами, с общественной уборной и даже с публичным домом. Город с морским портом и таможней. Город с мраморными и

каменными дорогами. Город с водопроводом, канализацией и с центральным отоплением. Грандиозность архитектуры и плана города, их завершенность и искусство выполнения поражают воображение. Для создания такого города в наше время потребовались бы колоссальные вложения весьма квалифицированного труда и ума, которые можно оценивать во многие миллиарды долларов. Невольно задаешь вопрос: откуда были взяты такие огромные количества труда и ума настолько квалифицированных мастеров, инженеров и гениальных архитекторов? Все это значительно превосходит во всех отношениях всем хорошо известный Парфенон в Афинах и остатки римской культуры в Риме, включая Колизей.

Побывали мы и на развалинах знаменитой Трои, украшенной моделью в натуральную величину известного всем троянского коня. Читатели помнят из истории знаменитую Смирну: теперь это турецкий город Измир. Посетили мы и город Милет, где жил древний мыслитель и философ Фалес.

Возможно, не все знают, что Богородица прожила конец своей жизни и умерла на территории нынешней Турции. Мы были в Ее, конечно восстановленном, каменном домике. Около алтаря — несколько костылей и писем в рамках от людей, в том числе и мусульман, получивших чудесное исцеление уже в наше время. Домик посещается и христианами, и мусульманами. Мусульманская религия признает и Христа, и Богородицу.

В центральной части Турции — Каппадокии — находятся скопления древних (впрочем, и недавних тоже) пещерных поселений. Катакомбы уходят на 6—8 этажей вглубь с десятками километров ходов сообщения и множеством различного назначения помещений. Среди этих пещерных поселений мы посетили и несколько христианских пещерных церквей.

Следует подчеркнуть, что существенная часть библейских, евангельских и античных историй происходила на территории нынешней Турции. Сами турки пришли позднее из монгольских краев.

Обратимся, однако, к современной Турции. Стамбул широко и очень живописно раскинулся на холмах с обеих сторон Босфора и вокруг глубокого залива, называемого Золотой Рог и

ответвляющегося от Босфора. Босфор соединяет Черное и Мраморное моря. Знаменитый Дарданельский пролив (тоже Турция) соединяет Мраморное и Средиземное моря. По Босфору и заливу снуют испускающие густые черные клубы дыма пароходы и множество катеров и лодок. И берега и Галатский мост, перекрывающий вход в Золотой Рог, заполнены толпами движущихся людей, вереницами автобусов, тележек, автомобилей, велосипедов. Стамбул кипит жизнью. Сотни чистильщиков сапог от шестилетнего оборванного мальчишки до отца семейства и до древнего старика непрерывно насаждают с предложением своих услуг. И, не дай Бог, не спросить заранее плату, обдерут как липку. Некоторые даже бесцеремонно запускают руку в ваш кошелек при расплате. Услуги их дешевы (около 30 центов), но смотрите во все глаза, а то можете наскочить на такого, кто при расчете сумеет утащить незаметно не причитающийся ему банкнот под предлогом посмотреть иностранные деньги. Я так и пострадал по неосторожности на 10 ф. ст.

Люди на улицах крайне разнокалиберные, в разнокалиберной одежде: от грязных лохмотьев до элегантного костюма. Преобладает, хотя и не элегантный, но костюм, правда, как правило, выдавший виды. В то же время нарочито расхристанной одежды и вида, какие можно часто видеть, скажем, в Лондоне, я не заметил.

Стамбул представляет собой смесь всяких средневековых строений и памятников с трущобами узких, темных, грязных и вонючих улиц с полуразрушенными зданиями, а также с кварталами новых многоэтажных жилых домов. Встречаются и кварталы с солидными зданиями крупных банков и компаний. Трущобы, включая их население, таковы, что европейские и американские трущобы покажутся фешенебельными кварталами с зажиточным населением. Вся эта смесь заполнена тысячами лавчонок и магазинов, тысячами мелких мастерских и фабричонок, а также потоками людей. Много разбитых до предела мостовых и тротуаров. Страшно много пыли и при дожде грязь. Воротничок рубашки быстро чернеет.

На южных окраинах Стамбула с хорошо асфальтированными улицами можно видеть, однако, много современных вилл с весьма разнообразной и привлекательной архитектурой, с превосходной отделкой. Конечно, с гаражами и дорогими автомобилями.

Почти ту же невообразимую смесь можно было наблюдать и в других городах Турции. Пыль тоже царствует везде, так как асфальтовых покрытий мало и мало уборки.

Новые жилые кварталы многоэтажных домов везде в Турции очень напоминают аналогичные советские "хрущобы". Коренное отличие только во множестве лавок и магазинов с

приличным ассортиментом и количеством товаров в них, а также в отсутствии очередей. Нужно сказать, что и качество выполнения домов, как и в СССР, оставляет желать много лучшего.

Очень сильно смахивают на советские и транспаранты с турецкими лозунгами, а также школьники, в форме, на школьных площадках, марширующие "стройными рядами" под командой учителей. Это военизированные репетиции демонстрации по случаю 100-летия со дня рождения основателя современной Турции Кемаль Паши Ататюрка. Аналогии с СССР способствует и красный государственный флаг Турции, развевающийся везде.

Бросается в глаза и строгая дисциплина школьников и их послушание. Семья в Турции довольно крепка. По несколько поколений живут вместе. Пенсии и прочие блага социального обеспечения невелики, и стариков обеспечивают их взрослые дети.

Турки — народ спокойный и доброжелательный. Террористы огню не рядовое явление. Армия, захватив недавно власть в стране, расстреляла дюжину террористов-заправил, посадила в тюрьму 21 000 террористов и их сообщников, расставила по улицам патрули. Это сняло всю угрозу насилия и терроризма, как рукой. Если до этого убивали до 4 000 человек в год, то сейчас террор исчез.

Турки приветствуют установившийся мир и спокойствие и новую власть. Если не считать "комендантского часа" от 2 часов ночи до 5 часов утра, когда все должны быть дома, то все города и деревни стали безопасными для жителей в любое время дня и ночи. (Неплохой урок для Запада!).

Отношение к туристам и иностранцам самое приветливое. Как-то мы подошли к большой толпе турок всех возрастов, наблюдавших песни и пляски школьников, одетых в самые разнообразные и живописные костюмы. Руководители зрелища немедленно усадили нас на самые почетные места, проявляя к нам уйму заботливости и уважения, нисколько не теряя при этом собственного достоинства.

Турция явно бедная страна лишь чуть побогаче, скажем, Тайваня. Контрасты крайней нищеты и солидного богатства найти в ней не трудно (как и в других странах). Главная же масса турок — довольно типичные крестьяне, мало изменившиеся за века и по образу жизни, и по виду, и по своей бедности. Бедность эта, однако, не мешает им сохранять равновесие духа и быть счастливыми, что, вообще говоря, от уровня жизни и не зависит. Следует отметить, что главная физическая трудовая нагрузка, как во многих неразвитых странах, включая СССР, ложится на женщин. Сельскохозяйственной техники мало. Цапки и мотыги в полном ходу. Тракторы мы видели больше в

движении, на дорогах, чем на полях. Как видно, каждый из тракторов обслуживает несколько хозяев. Довольно много сельскохозяйственных и промысловых кооперативов.

ТУРЦИЯ – СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРАНА

57% населения Турции занято в сельском хозяйстве, создавая 25% всего национального продукта (заметьте, 57% и 25%). 13% населения занято в промышленности и строительстве, создавая 24% всего национального продукта (заметьте, 13% и 24%), 12% национального продукта создается в торговле и финансах и 23% – на транспорте и в обслуживании. Таким образом, 57% населения в сельском хозяйстве и 13% в промышленности создают почти одинаковые ценности. Проехав по Турции 3000 километров, мы очень редко видели промышленные предприятия и, тем более, крупные.

Низкий уровень жизни турков есть следствие низкой средней производительности труда. Производительность в сельском хозяйстве очень низка, а промышленность практически отсутствует. В результате, турок, в среднем, имеет для себя товаров и услуг всего лишь на сумму около 1000 долларов в год (на душу населения). Сравните со швейцарскими 15000 долларов на душу населения и с 11000 в США.

Следствием низкого уровня жизни является прямо связанная с ним средняя продолжительность жизни в Турции – 55 лет. Хотя когда-то в древнем Риме она была еще ниже – 25 лет, но сегодня, к примеру в США, она составляет более 70 лет. Более короткая жизнь одновременно означает больше болезней и всяких страданий в ее ходе. Хотя, как я уже отмечал, турки не унывают. Лучшей жизни они и не видели. Однако все они хотят жить дольше и лучше.

ОБ УРОВНЕ ЖИЗНИ

Не приходилось ли вам задумываться над тем фактом, что, какую бы страну вы ни посетили, везде можно обнаружить людей, живущих на уровне жизни пещерного человека? Иногда и буквально: в пещерах, или под мостом, или в какой-нибудь бетонной трубе. Даже в США и в Швейцарии таких людей можно найти, а в Эквадоре и Перу их даже много. Конечно, я не имею в виду только опустившихся хронических алкоголиков. Лично я встречал таких людей везде, а я объездил практически все северное полушарие и часть южного. Если судить только по этому факту, то человечество за десяток тысяч лет не продвинулось никак. Это, понятно, неверно. Однако нельзя судить об уровне жизни страны и только по жизни, скажем, Рокфеллера или по тому факту, что, скажем, США послали людей на Луну. Правда,

характерно, что этот "богатый край жизни" на протяжении веков сильно прогрессирует в противоположность "нищему краю", который, практически, стоял тысячи лет на месте. И в США, и в СССР, и в Китае с одного "края" находится наша знаменитая российская лучина, а на другом "краю" – космические корабли.

Часть объяснения этого любопытного факта заключается в следующем. Из ресурсов труда и ума двух двухсотмиллионных народов и одного восьмисотмиллионного их управители могли выжать необходимую долю, чтобы осуществить космические планы. Для США с его годовым национальным продуктом около 2000 миллиардов было не так уж и трудно выжать 10–20 миллиардов долларов на, примерно, десятилетнюю программу. Однако даже США не в состоянии выделить столько ресурсов труда и ума, чтобы послать в космос не несколько человек, а, скажем, только тысячу. Поэтому космос есть привилегия для ничтожного меньшинства человечества. Идея, что в обозримом будущем люди будут заселять космос, является чистой водой. Отнюдь не потому, что это технически невозможно. Это вполне технически осуществимо. И наука и технология это вполне обеспечивают. Просто для этого не хватит ресурсов ни сейчас, ни через 100 лет. Можно грубо оценить, что для поселения в космосе ничтожной части человечества в один миллион (т.е. лишь одного на 5000 человек из 5 миллиардов, населяющих Землю) понадобится около 20 миллионов миллиардов долларов (в виде затрат труда и ума). Это потребует колоссального роста национального продукта стран прежде, чем они смогут себе эту роскошь позволить. Этот рост едва ли сможет быть осуществлен даже и за 200 лет. Таким образом, ограничением являются не чудеса науки и техники, а просто рост производительности труда людей: недостаток, в связи с этим, ресурсов труда и ума. (Деньги, сами по себе, ничего не значат). Эта простая экономика показывает, например, что все разговоры о наступлении века роботов, которые заменят людей, позволяя им заниматься только удовольствиями, являются тоже чистой водой. И тоже не потому, что это технически невозможно. Для того, чтобы построить даже всего по одному роботу на 100 человек, т.е. 50 миллионов роботов (при 5 миллиардах населения Земли) не хватит ни имеющихся, ни будущих, скажем, через 100 лет ресурсов труда и ума всего человечества. Роботы уже довольно давно существуют. В ближайшее время их будет много больше, но до века роботов еще очень и очень далеко.

Зачем, однако, обращаться в космос? Нетрудно посчитать, что даже для обеспечения населения Земли самым простым жилищем с водопроводом, канализацией (отоплением или

кондиционированием, где нужно), освещением — всех ресурсов труда и ума тоже в ближайшие 100—200 лет, вероятно, не хватит. Даже пиццей обеспечить все население мира потребует не одно десятилетие вложений огромных количеств труда и ума, если, конечно, будет ликвидирован социализм. При социализме даже эта скромная задача невыполнима. Поэтому именно все современные чудеса науки и техники и уровня жизни и концентрируются на "богатом крае" жизни. Не будь этой концентрации и этой разницы между богатством и бедностью, никаких чудес не было бы, вообще: была бы одна крошечная бедность без всяких надежд на улучшение.

Другая часть объяснения заключается в следующем. 57% населения Турции знают только сельское хозяйство и 40% (1977 г.) являются неграмотными. Сами по себе они не в состоянии построить ни завода, ни электростанции. Существенно, что, даже дав им общее образование, этого факта не изменить. Нужен достаточно большой профессиональный опыт, который можно получить, лишь именно строя заводы и электростанции. Поэтому движущей силой повышения общего уровня жизни всегда является относительное меньшинство талантливых, знающих людей, обладающих личной энергией и необходимыми финансами (по социалистической терминологии эксплуататоров). Безусловно, без остального населения они, сами по себе, тоже ничего не сделают, но именно без них никакой прогресс невозможен. Чтобы Турция стала Америкой, нужно, чтобы таких движущих дело людей стало много, много больше и чтобы их квалификация и опыт тоже стали бы много, много больше. Для этого абсолютно необходимы как духовные (одобрение общества), так и материальные поощрения за знания, за умение, за энергию, за инициативу. Причем такие поощрения, чтобы обеспечить достаточно привлекательную разницу между мастерством и халтурой, между знанием и безграмотностью. Между прочим, социалисты именно это имели в виду, когда выставляли лозунг: от каждого по способностям, но каждому по труду, т.е. по количеству и качеству труда. Разница между социализмом и капитализмом, в этом отношении, только та, что социализм не в состоянии обеспечить выполнение этого требования, а капитализм — в состоянии. Общество, которое в состоянии осуществить это требование, будет всегда жить лучше и порядочнее.

Поэтому социалистическая, или капиталистическая, или любая другая "лучина" не есть нечто преходящее и не есть результат социалистического или капиталистического "недосмотра" или злого умысла. Этот факт будет с нами много веков в будущем, а при социализме — вечно. Таким образом, судить об уровне жизни

любой страны следует не по "лучине" или по Рокфеллеру, или космическим завоеваниям, а по тому уровню, который находится между "космосом" и "лучиной" и при котором живет большая часть населения. Повышение же этого уровня жизни большинства в сторону "космоса" есть процесс очень и очень медленный. Грубое представление о ходе процесса может дать изменение во времени реального национального продукта, приходящегося на душу населения.

КАК БЫТЬ ТУРКАМ?

Итак, турки, как и все другие народы, хотят жить и лучше и дольше. Спрашивается, что же для этого нужно? Единственный рецепт — пройти тот же путь, который в 18 и 19 веках прошла Англия, т.е. провести революцию. Только вооружение человека машинами и энергией может повысить его производительность труда и тем поднять его уровень жизни, повысить качество этой жизни и обеспечить активное долголетие.

Промышленная революция в Англии длилась много десятков лет и сопровождалась колоссальными жертвами со стороны, прежде всего, сельского населения, лишавшегося работы на земле. Ручной труд на земле обеспечивал людям лишь примитивное и довольно тяжелое существование. Однако, постройка паровых и других двигателей — источников дополнительной, не мускульной энергии (ключ к промышленной революции) требовала огромных вложений дополнительного труда (и ума). Откуда их можно было взять, если этого труда (и ума) едва-едва хватало на жизнь (как сейчас в Турции)? Неизбежно, что введение как двигателей, так и других машин для повышения производительности труда сопровождалось вначале не улучшением, а ухудшением жизни населения и особенно крестьян. Из ресурсов труда (и ума), едва хватавших на жизнь, нужно было выжать значительную их часть на создание и производство машин. В более знакомых терминах, для индустриализации требовалась весьма высокая норма прибыли, позволявшая вкладывать больше средств в новые и новые машины.

Следует подчеркнуть, что индустриализация требовала необычной концентрации капитала в руках предпринимателей. Даже примитивную машину и, тем более, в больших количествах своим, индивидуальным трудом не построишь. Безусловно, требовался и готовый к употреблению кредит. Таким образом, индустриализация потребовала высоких прибылей, малых зарплат и состоятельных банков. Введение машин в сельское хозяйство, повысив в нем производительность труда, привело к массовой безработице и к еще более дешевому труду.

Однако, именно этот прорыв в век машин и энергии, стоивший не мало слез и горя, обеспечил ныне Западу наивысший уровень жизни, наивысшее активное долголетие его населения. Настолько высокий, что многие жители достигнув его, начинают отрицать, вообще, необходимость прогресса. Они, эгоистически, не хотят понимать, что без дальнейшего прогресса не подтянуть и "лучинный" край жизни. Ведь своим-то "богатым краем" они наверняка добровольно не жертвовали бы.

Если бы, кроме Турции, на земле не было бы никого больше, Турции пришлось бы пройти весь "крестный путь" Англии, чтобы прорваться в век благосостояния. Нынешняя Турция имела 200 лет жизни после начала промышленной революции в Англии и на Западе, однако она осталась почти такой же бедной, как и 200 лет тому назад. Прорыв сам по себе не происходит и требует жертв.

Социалистам и марксистам это хорошо известно: индустриализация их конек. Троцкий проповедовал индустриализацию за счет крестьян, а Сталин ее провел*. В Польше стоит тот же трагический вопрос: повышение уровня жизни не может произойти без роста производительности труда, рост производительности труда невозможен без производства машин и энергии, производство машин и энергии невозможно без вложений труда и ума и, следовательно, отрыва их от удовлетворения нужд населения.

Разница между промышленной революцией Запада и промышленной революцией социализма в том, что первая — плодотворна (действительно повышает общий уровень жизни), а вторая — бесплодна; коллективизм только bestолково разбазаривает ресурсы труда и ума населения.

Турции теперь, конечно, нет необходимости переживать все те страдания, которые переживал Запад, осуществляя свою промышленную революцию. И машины, и источники энергии уже изобретены. Опыт Запада можно по дешевке заимствовать. Тем не менее, Турции следует держаться вполне определенных правил, чтобы поднять свой уровень жизни и долголетие населения, проведя свою промышленную революцию. Эти правила следующие.

1. Всячески поощрять постройку фабрик и заводов в Турции западными фирмами, способствуя получению профессионального, индустриального опыта турками.

2. Всячески поощрять частное предпринимательство как наиболее эффективное в деле повышения производительности труда.

3. Всяческими средствами поднять норму

прибыли частных предпринимателей и тем поднять их вложения в развитие и расширение производства.

4. Удешевить кредит, т.е. уменьшить проценты, уплачиваемые по займам, необходимым для развития производства.

5. Воспрепятствовать росту силы профсоюзов и превращению их в монополистов. Если бы во время промышленной революции на Западе профсоюзы были бы так же сильны, как сейчас, промышленная революция не произошла бы, и Запад сидел бы и до сих пор с "лучиной", как сейчас Турция.

6. Стараться всячески выделять высокими зарплатами и другими благами, а также с помощью общественного мнения способных, талантливых людей, организаторов и предпринимателей. Разница в уровне жизни знающего и умелого должна быть достаточно большой, чтобы стимул к мастерству, профессионализму, к общему и профессиональному образованию, к деловой инициативе и предпринимательству был бы достаточно силен.

7. Всячески уничтожить любые монополии, являющиеся всегда тормозом прогресса, и насаждать свирепую, свободную конкуренцию.

8. Провести земельную реформу, передав землю тем, кто на ней работает: крестьянам, жителям, предпринимателям. Постараться довести размер коммерческих сельскохозяйственных участков до оптимального по производительности труда.

ЧТО ТУРКИ ФАКТИЧЕСКИ ДЕЛАЮТ?

"Отец турков" — Кемаль Паша Ататюрк — создал турецкую республику, отделил религию от государства, ввел латинский алфавит, открыл пути к образованию и прогрессу, укрепил женщину. Так говорят сами турки. Одновременно (о чем они не говорят и, может быть, не подозревают), он нанес колоссальный вред будущему Турции своими социалистическими идеями. Прежде всего, он изгнал из Турции все иностранные фирмы и национализировал зародышевую промышленность и транспорт. До сих пор турки чтут волю Ататюрка, и в Турции почти нет иностранных концессий, а без них перенимать индустриальный опыт Запада почти невозможно. Без существенного успеха государство Турции тратит огромные средства на общее и университетское образование (бесплатные) и посылает турок для обучения за государственный счет за границу. Однако это много хуже для получения индустриального опыта, чем концессии. Кроме того, студенты перенимают там антииндустриальное настроение Запада и всякие декадентские привычки.

В Турции, несмотря на ничтожные промышленность и транспорт, огромное число банков, включая государственные. Судя по тому, что

* В дореволюционной России шла быстрая индустриализация не без боли, но без таких ужасов как коллективизация. Прим. ред.

мы видели, проехав 3000 километров, на каждое предприятие приходится чуть ли не по банку. Бюрократия в банках, по моему личному опыту (обмена денег), совершенно потрясающая. Банковских служащих в Турции, вероятно, много больше, чем в индустриальной Англии. Кредит страшно дорог: 25% годовых. Куда уж там англичанам с их 16%. Таким образом, предпринимателю построить новые завод или фабрику или просто расширить производство почти невозможно. А ведь именно это жизненно необходимо.

Налоги в Турции самые удушающие. Базовая ставка подоходного налога 40%, а на верхнем конце достигает 85%. Государство распоряжается (крайне неумело) более чем 40% всего национального дохода и стремится непрерывно к увеличению этой доли. Социалистические преобразования, начатые Ататюрком, пожирают все более и более колоссальные средства, не давая взамен роста уровня жизни.

Профсоюзы (синдикаты) в Турции, по плохому примеру Запада, чрезвычайно сильны, душат любое частное предпринимательство и загоняют государственное хозяйство в огромные убытки. Результатом является огромная (15%) безработица, несмотря на то, что миллионы турков уезжают на заработки за границу. Результатом является и гигантская инфляция, так как цена кредита исключительно высока (25% годовых). Дело в том, что высокая цена кредита, сдерживая рост количества денег в обращении, одновременно очень сильно подрывает рост производительности труда, тормозя вложения. Количество денег в обращении (монетаризм) есть только одна сторона закона спроса и предложения. Самая же главная сторона — это количество производимых товаров и услуг. Последнее же в Турции на чисто задавлено профсоюзами, налогами, бременем убытков и расходов национализированного хозяйства. 25% на кредит окончательно душат это производство. Количество производимых товаров и услуг имеет тенденцию больше снижаться, чем повышаться, обрекая турков на перманентную бедность. Профессиональная и индустриальная безграмотность и неопытность населения все это чрезвычайно усугубляет. Качество индустриального и строительного труда крайне низко. Это было видно нам невооруженным глазом во время поездки.

При очень слабой промышленности, монополии, в основном, государственные, задушили и конкуренцию, этот мощный двигатель прогресса. Немудрено, что при всей дешевизне

рабочей силы импорт резко превышает по стоимости экспорт, приводя к огромной национальной задолженности. Поэтому Турция очень нуждается в иностранных кредитах. Однако они съедаются, не приводя к индустриализации и повышению уровня жизни.

Как в Никарагуа, Сальвадоре и других сельскохозяйственных странах, 95% земли в Турции находится в руках крупных землевладельцев, а крестьяне только арендуют землю. Этот факт везде является, как показывает опыт, главным источником революций и влияния коммунизма-социализма.

Легко видеть, что Турция все делает наоборот тому, что нужно для ее промышленной революции, для повышения уровня жизни и долголетия населения, для своего выздоровления. Поэтому выздоровление Турции не произойдет, пока Турция не освободится от социалистического наследия Ататюрка и не начнет следовать перечисленным мною восьми правилам, выполнение которых необходимо для повышения уровня жизни людей.

Так как это в ближайшее время политически невозможно, то Турция еще неопределенно долгое время будет оставаться большим на хлебником Запада, несмотря на ее благоприятные природные возможности и географическое положение. Более того, есть вероятность, что под давлением экономических и политических неурядиц Турция переметнется в социалистический лагерь: даже военная диктатура окажется неспособной поддержать порядок и понадобится социалистический или национал-социалистический террор и резкое понижение, а не повышение уровня жизни. Как при Сталине в СССР.

Как видно, турки более склонны перенимать социалистический и монополистический опыт Запада, а не опыт промышленной революции. К этому их понуждают западные жители, бессмысленно разрушая и разбазаривая плоды своих огромных жертв и труда, сложенных предыдущими поколениями в индустриализацию и создание общественного богатства.

Как видно, вредоносная часть наследства Ататюрка будет еще долгое время держать Турцию в тисках бедности, а западные социалисты и наивные люди будут этому способствовать.

Я так распространился по поводу Турции потому, что турецкая проблема есть также проблема многих других развивающихся, т.е. индустриализирующихся, стран, стремящихся преодолеть свою бедность.

Д. ШТУРМАН

ДЬЯВОЛ И ЕГО ЛИКИ

Журнал "Синтаксис" №6 посвятил А. Солженицыну две публикации. Об одной из них — о статье Г. Померанца "Сон о справедливом возмездии" — я уже писала¹. Здесь напомню, что статья Г. Померанца написана им в 1978 году, опубликована же — в 1980-ом. Причин для этого может быть много: автор живет в СССР. Но за два года, не отраженных полемическим выступлением Г. Померанца, А. Солженицын высказал и опубликовал многое, что весьма дополняет, в глазах читателя, мировоззренческую сторону его работ, изданных ранее.

Статья А. Янова называется "Дьявол меняет облик" — название с далеко идущим подтекстом. А. Янов находится в эмиграции и знаком со всеми, включая новейшие, выступлениями своего оппонента. Но и он читает А. Солженицына с поразительной для квалифицированного читателя поверхностностью.

После несколько детской в своей наивности жалобы на личную враждебность к нему со стороны Солженицына А. Янов пишет:

«В конце концов "Иван Денисович" был, и "Раковый корпус" был, и "Архипелаг ГУЛАГ" тоже был. Кошунственно это зачеркивать. Испугало меня совсем другое: сам Солженицын принялся это зачеркивать. В своем последнем интервью он клеймит тех, кто пытается все российские беды свалить на "мифический (!) сталинизм"².

А ведь это все равно, что сказать «мифический "Иван Денисович"», «мифический "Раковый корпус"», «мифический "Архипелаг ГУЛАГ"». Но отсюда уже, согласитесь, один только логический шаг до того, чтобы сказать невероятное: "мифический Солженицын".»³

"А ведь это" просто текстологическая перержка!

Солженицын говорит о "мифическом сталинизме" исключительно в смысле прямой качественной преемственности сталинизма от ленинизма. Он отрицает принципиальное различие между коммунистическими "измами", обозначенными по фамилиям их фюреров.

Точка зрения А. Солженицына на соотношение между именными партократическими "измами" правомерна и доказательна. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать оценку того же вопроса из письма ко мне

С.М. Рафальского (полагаю, что оценка его справедлива):

"... То, что Вы "видите людей" в Ленине, Бухарине, Троцком и не видите человека в Сталине — объясняется, вероятно, между прочим и тем, что "те" для Вас уже были прошлым, тогда как Сталин — ужасным настоящим. Но для Ваших предшественников таким духом абсолютного зла был Ленин и все его аггелы. Это Ленин выдумал нечеловеческий термин "насекомые" в приложении ко всей элите российской. Когда перед ним ходатайствовали об одном российском либерале, который был как раз арестован и которому угрожала "стенка", хотя при царе не раз он давал приют большевикам и прятал их у себя, — "великий вождь" ответил, что этот гуманист так же (и по тем же соображениям) может прятать теперь и контрреволюционеров, и следовательно... Из этого ленинского "может", бывшего не первым и не последним, — произошла и вся кровавая баня русской революции, и сам Сталин больше к нему ничего не прибавил. Разве что погоньи и чины для чекистов.

... Не дикий барс, на аллеях зоопарка перегрызающий горло и вскрывающий живот случайным прохожим, ответственен за их ужасную смерть, но сторож зоопарка, из ненависти к буржуазным сытым "прогульщикам" сознательно и с умыслом выпустивший зверя из клетки".

Делать вывод об отрицании Солженицыным исторического феномена, который принято называть сталинизмом, полемически недобросовестно.

Так же, как и в статье Г. Померанца (разве что с меньшими оговорками), по А. Янову, главной угрозой для человечества в современной мировой идейной борьбе оказывается не коммунизм, а Солженицын — якобы выразитель, вдохновитель и племенной вождь нациствующих кремлевских и некремлевских шовинистов России.

Между тем А. Солженицын в своей статье "Коммунизм у всех на виду — и не понят" ополчается против тех, кто в 1941—45 гг. помогал Сталину, а теперь помогает Брежневу "оседлать национальную лошадь под коммунистическую власть",⁴ против "фашистско-коммунистических" методов политической эксплуатации национализма. Некоторые оппоненты А. Солженицына заняты эксплуатацией его прикованности к русским национальным

¹ "Голос Зарубежья" №№ 20, 21, 1981 год.

² "Вестник РХД", 1979, № 127, стр. 290.

³ "Синтаксис" № 6, стр. 106. Приношу извинение А. Янову в том, что в моей статье, в № 15 "Голоса Зарубежья", он не был упомянут как автор статьи "Тревоги Смоленщины": в привезенной из СССР микрофотокопии статьи не было фамилии автора, а я ее не запомнила.

⁴ Эта и все последующие неоговоренные цитаты из статьи А. Солженицына "Коммунизм у всех на виду — и не понят", "Посев" № 3, 1980.

проблемам не меньше, чем Кремль. Между тем Солженицын говорит об опасности "полного непонимания смертельно-злойной непримиримой природы коммунизма, единой для всех (курсив Солженицына) стран". Солженицын возражает против близорукости литераторов и политических деятелей, которые "ищут порчу только не в самом коммунизме" и "агрессивность его объясняют... напуганностью чужой агрессией — и только", из чего (из напуганности) и выводят "колоссальные вооружения и захват чужих стран". Национализм Солженицына носит изоляционистский, а не экспансионистский характер.

Человек кричит о мировой опасности политики своих отечественных правителей — похоже ли это на шовинизм?

На деле куда более шовинистична по отношению к "единой и неделимой" КПСС концепция, которая строится именно на этой мнимой "напуганности" (чем?! Шествием с 1945 года от победы к победе?) советской власти. Эта концепция служит одним из краеугольных камней губительно-одностороннего "детанта" между демократиями и партократией. Шовинистична она потому, что полностью разоружает Запад перед лицом коммунистической агрессивности. И перечеркнуть этой шовинистичности не сможет никакая фразеология.

А. Солженицын уверенно отрицает "зыбкие расчеты" на какие-то несуществующие, по его убеждению, "правое" и "левое" "крылья Политбюро". Он уже пробовал — так же, как А.Д. Сахаров, — апеллировать к здравому смыслу и национальному чувству "вождей" и убедился в безнадежности своей апелляции. Будь он действительно "русский аятолла"⁵ и имейся действительно в Политбюро сильная "русская (что это значит: изоляционистская? Шовинистическая? Имперская?) оппозиция", Солженицын должен бы на нее ориентироваться. А он упрямо твердит, что в Политбюро все "едины в стремлении мирового захвата и неразборчивы в средствах". И то, что Кремль расположен в Москве и мировая победа Кремля означала бы владычество московского ("русского") Политбюро над человечеством, Солженицына не прельщает и не утешает! Где же здесь панрусизм или тяготение к мировому православно-теократическому режиму, симметричные панисламизму? Разве настойчивые попытки Солженицына пробудить в человечестве ужас перед Кремлем и заставить мир защититься "хотя бы стеной непоколебимой воли" не означают, в первую очередь, стремления освободить от Кремля Россию? Где сказано, что Солженицын хочет обеспечить теократическую диктатуру в России (с Кремлем или без Кремля)?

В своих обращениях к православным иерархам Солженицын задает им такие, к примеру, вопросы:

"Как восстановить Церковь, которая не пригнетет никого из чад своих? Восстановить Церковь не как отрасль государственного управления, *никакой* (и самой лучшей) государственной власти духовно не подчиненную и *ни с каким* партийным направлением не связанную? Церковь, в которой расцветут лучшие замыслы наших несостоявшихся реформ, направленных лишь к возрождению чистоты и свежести первоначального христианства? Церковь, которая станет на ноги не сама для себя, но всей России поможет найти своеродный, своеобразный выход из духоты и темноты сегодняшнего мира?"

Формы, которых мы должны достичь, — не восстановленные, не повторенные дореволюционные. Но такой высоты должны быть они явлены и так напоены сокровищем неувядаемого поиска, чтобы привлечь, увлечь, быть может, и Западный мир, охваченный сегодня духовной неутоленностью. Несравненная горечь русского опыта подает и такую надежду.

Повторяю и в окончании: я не мню себя призванным к решению церковных вопросов. Но доступно и каждому мирянину выговорить правду так, как она открывается ему, в надежде, что соборный разум и соборное сознание восполняет все, недостающее ей."⁶

Неужели это напоминает хомейнистское мракобесие? А это?

"В конце концов, истинная и глубокая судьба нашей страны зависит от того, окончательно ли укрепится в народном понимании *правота силы* или очистится от затмения и снова засияет *сила правоты*, сумеем ли мы восстановить в себе хоть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды."⁷

Разве не видно в обоих отрывках, особенно отчетливо в первом, что речь идет не о теократической государственности, а, напротив, о церкви свободной, не связанной ни с государственной властью, ни с партийными распрями? Мне возразят, что говорил Солженицын и другому. Говорил. Писатель — он думает на бумаге, вместе с читателем. Но ведь его оппоненты не только вырывают одно-два суждения из их контекста и строят на них все, не рассматривая суждений иного рода. Г. Померанц судит **вчерашнего** Солженицына за то, во что могут вылиться **завтра** его (не всегда и его) идеи. А. Янов же делает его ответственным как за его эпигонов и незпигонов из экстремистски-националистических кругов, так и за ту схему его будущей эволюции, которую сконструировал

⁵ А. Янов, Е. Г. Эткинд и др.

⁶ "Зарубежье", сентябрь-декабрь 1974, стр. 16.

⁷ "Зарубежье", март 1972, стр. 1.

вал и предписал русскому национализму сам А. Янов. Схема эта целиком экстраполирована А. Яновым из прошлого России, но беда в том, что и прошлое это представлено им тенденциозно.

Я уже писала, что у меня вызывают серьезное несогласие два пункта размышлений Солженицына о коммунизме, не замеченные его оппонентами. Первое касается **"хотя бы стены непоколебимой воли"**, которую еще не завоеванный коммунизмом мир должен противопоставить агрессии. **"Хотя бы ... воли"** — это мешает понять, чего А. Солженицын хочет от Запада, **каких способов** сопротивления коммунистической экспансии: только ли **"волевых"** (духовных, пропагандистских) или?..

Г. Померанца и А. Янова возмущает **"агрессивность"** А. Солженицына по отношению к коммунизму, а я **надеюсь**, что он говорит здесь и о военном сопротивлении, без готовности на которое Запад погибнет.

Второй момент, вызывающий недоумение, кажется мне отголоском мысли, владеющей А. Солженицыным, как все его убеждения, страстно. Он называет **"возрождение русского национального сознания"** **"тем единственным"**, что реально ослабляет советский коммунизм изнутри" (выделено мной — Д.Ш.)

Но ведь рядом сказано, что **"все порабощенные народы"** будут опорой Запада в борьбе против коммунизма: **"и русский народ, и все народы СССР, и китайский, и кубинский!.."**

Это (заключительное) дополнение обо **"всех народах СССР"** позволяет воспринимать предшествующую формулу (о **"русском национальном сознании"** как о **"тем единственном"**, что реально ослабляет коммунизм изнутри") то ли как оговорку, то ли как выплеск недавнего девятого вала националистической солженицынской мысли-страсти. Ибо Россия, даже лишись она всех нынешних ее районов, желающих обрести независимость, останется неустрашимо многоплеменной. И нежелание это видеть и принимать — ошибка очень глубинная, радикальная, чреватая разьединением внутренних антикоммунистических сил и грядущими бедами. Тактика **"разделяй и властвуй"** — одна из основ коммунизма, и не пришло еще время о ней забывать, борясь против него. Разумеется, коммунизм **"враждебен всякой национальности"**, как враждебен и человечеству, и человеку, не существующим вне национальной, этнической их конкретизации. Но национальные интересы, чувства и предрассудки коммунизм, маневрируя, может успешно эксплуатировать и, как всякий тоталитаризм, частично или эпизодически их удовлетворять, **"оседлавая"** в своих партократических интересах и **"национально-патриотическую "лошадь"** (А. Солженицын).

Реальными силами внутри СССР, способны-

ми противостоять тоталитарной власти, являются все его **демократические, цивилизованные в правовом отношении** национальные движения, а не только русское. То же относится и к общему для всех народов СССР демократическому движению. И все те воскресающие религиозные движения и поиски, которые не несут в себе зародышей агрессивного неприятия иноверцев или неверующих, враждебны и опасны тоталитарному насильственному безмыслию. Поэтому подобная мысль, какие бы оговорки с ней ни соседствовали, настаораживает и пугает: почему **только русское** национальное возрождение опасно для деспотии, угнетающей множество больших и малых народов?

Коммунизм, в отличие от нацизма, всегда использует маски. Какие маски? Практически — любые. Как правило — каждый раз ту, у которой в данной среде больше поклонников, больше шансов быть принятой благожелательно. Этих масок великое множество, на любой вкус и цвет. Поэтому необходимо больше внимания к истинной сути (задачам и способам существования) коммунизма. Маска интернационализма не должна толкать нас в ловушку **разьединяющего национализма**.

У В. Пирожковой в статье **"Может быть, настала пора снова стать великой державой?"** есть тонкое наблюдение — о той маске российского империализма, которую надевает на себя коммунистическая мировая экспансия: **"Фатально особенно еще то, что западные политики в большинстве своем в наше время не хотят верить в то, что по-прежнему существует мировой коммунизм, стремящийся к завоеванию всего мира. Большинство западных политиков считает, что советское правительство действует в духе русского империализма, а национальный империализм всегда имеет свои границы. Надо только отдать еще несколько стран, тогда аппетит, в конце концов, насытится и можно будет спокойно заниматься собственными делами. Представители нерусских народов, живущих в СССР, яро отрицающие опасность коммунизма и сваливающие все на "русский империализм", не понимают, что этим губит свои собственные народы, загоняя их все глубже в ярмо того же коммунизма, так как против "русского империализма" западные державы будут защищаться только постольку-поскольку, — поскольку это затрагивает их непосредственные торговые интересы. Вот если б они поняли, что мировой коммунизм по-прежнему существует и по-прежнему стремится к мировому господству, они бы все же насторожились и попробовали разработать что-то вроде ответного плана глобальной обороны.**

В других статьях и письмах В.А.Пирожкова развивает мысль о локальности и ограничен-

ности задач классического империализма, стремящегося усилить и возвеличить свою метрополию, и о глобальности и неограниченности коммунизма, имеющего задачу **планетарную** и готового пожертвовать ради решения этой задачи любыми интересами народов метрополии. Может быть, следовало бы сначала сообща добиться поражения коммунизма, а потом, в утвердившихся демократических обстоятельствах, "разъединяться" во всем, в чем народы, группы и лица захотят обособиться? В монологе А. Солженицына разъединяющей, а значит и уменьшающей возможность сопротивления коммунизму, является оговорка о приоритете русского самосознания над всеми прочими движениями во внутренней оппозиции коммунизму. Откуда она? Не из наблюдения ли, что в сознании нерусских народов борьба против коммунизма, имеющего центр в Москве, нередко не только сливается с борьбой против России, но и подменяется ею, а русским нечем заменить коммунизм в их борьбе за свое раскрепощение? Так ведь при желании и у русских обнаруживается другой источник всех бед — в лице инородцев, западников или жидо-масонов! За восемь месяцев своего существования (не сохранившаяся по ряду не рассматриваемых здесь причин) демократическая Россия успела доказать, что сумеет решить свои национальные проблемы, во всяком случае, не менее цивилизованно, чем Западная Европа в ее демократических государствах. По всей вероятности, сегодня главное для народов России (и мира) состоит в обнаружении объединяющих антитоталитарных интересов, а не в изыскании и гиперболизации демобилизующих и разъединяющих начал, превращающих бездорожье к глухую стену.

В статье А.Янова страшной всего ее демобилизующая направленность. Собственно говоря, Запад демобилизовать дальше некуда: он и так полностью демобилизован. И Слово, к сожалению, не всемогуще. Но не следует ли говорить так, словно от наших слов и на самом деле что-то зависит? Ибо в пишущем человеке и в безразличном читателе не может не жить надежда. А.Янов выдвинул тезис "стратегического окружения СССР", начавшегося "десятилетие назад в связи с крушением либерализации в России". Это "стратегическое окружение СССР" в картине мира, сконструированной А.Яновым, занимает место, которое в реальной картине мира принадлежит планетарной экспансии СССР.

Позволю себе небольшое историческое отступление. Никакого "крушения либерализации" в СССР не претерпела. Претерпели крушение **расчеты** на либерализацию СССР. "Либерализация" тоталитарных режимов (В.А.Пирожкова называет ее "минидемократией"; я бы назвала ее "квазидемократией", ибо это не

"маленькая демократия", а "ложная демократия") — это ограниченное превращение предельно "твердых", жестких, террористически-репрессивных и поэтому недостаточно гибких режимов — при возможности или по необходимости — в режимы с некоторой внутренней вариативностью. Что-то вроде перевода из стоячего карцера в шестиметровую камеру. Такие режимы обладают большей мерой упругости в своих внутренних, а частично и внешних связях. Поэтому они в известных отношениях прочнее режимов предельно жестких, подобно тому, как сплошной мяч из плотной резины под ударом молота может оказаться прочней цементного шара такой же величины. К этому рассуждению В.А.Пирожковой я бы хотела добавить следующее: внесение в систему некоторой "упругости" (за счет смягчения "жесткости") никогда не достигает и не достигнет (**по доброй воле тоталитаристов**) уровня, при котором в обществе **легализуются** обратные связи, действительно вводящие в него силы, конкурирующие с партократией. А только **легализация** конкурентных сил в идеологии, политике и экономике и явилась бы истинной либерализацией. Но тогда коммунизм превратился бы в нечто не тождественное себе самому. Кроме того, операция, проведенная Хрущевым (в причины, побудившие его к ней, вдаваться не будем), породила в обществе такой взлет **естественного для всякого современного общества** плюрализма, что теперь демагогия партократии поневоле должна быть квазиплюралистической, то есть "зеркальной" по отношению к идеологиям своих адресатов. Отсюда и обилие масок, надеваемых на себя коммунизмом в его нынешней пропаганде, по сравнению хотя бы с пропагандой еще не чуждых фанатизма 1920-х или "монолитных" 1930–1940-х гг., когда маска была одна.

Потрясает в статье А.Янова и вытекающая из тезиса "осажденности" СССР аналогия⁸: "... СССР оказался в положении нацистской Германии 1930-х гг. перед лицом борьбы на два фронта с Западом и Китаем". Хороши "осажденные": нацистская Германия 1930-х гг. и нынешний СССР! Страшнее всего, что это безответственное сравнение звучит перед западными учеными⁹, которые не могут не знать об Олимпиаде 1936 года, удостоенной почтительного присутствия всех демократий, о Мюнхене, о подлейшем советско-германском договоре 1939 года, о том, что Запад решился на войну с Гитлером только тогда, когда убедился, что нацизм ни евреями, ни Восточной Европой, ни даже СССР не удовлетворится. Оттого

⁸ Аналогии между Веймарской республикой и брежневским СССР я касаться не буду, ибо ее исчерпывающе опроверг М. Бернштам в "Новом журнале".

⁹ Статья А. Янова построена на материалах его доклада, прочитанного им советологам США.

и приобрела эта война столь страшный размах. Поддержку же со стороны Сталина (его доверие и тяготение к Гитлеру) прервали только бомбардировки в ночь на 22 июня 1941 года, которым он тоже не хотел верить.

Если перед нынешними американскими советологами можно без опасений оказаться научно дисквалифицированным говорить об осажденной нацистской (не Веймарской, а нацистской!) Германии 1930-х гг. и об окруженном с Запада и с Востока СССР 1960–80-х гг., то по Америке самое время служить панихиду.

Многие высказывания А.Янова меня и потрясли (как Льва Наврозова — статистика ЦРУ)¹⁰ именно тем, что американской советологической аудитории можно преподносить положения, столь противоречащие реальности.

Я уже говорила, что обращением А. Солженицына к правителям СССР оппоненты А. Солженицына, в том числе А. Янов, не перестают возмущаться. Однако адресат А. Солженицына реален (как и адресаты первого меморандума А. Д. Сахарова). Себе же А. Янов разрешает и ставит в заслугу ориентацию на мифическую "опозицию" советских преуспевающих технократов и менеджеров, латентно или потенциально противостоящую "реакционному крылу" небезнадежного в целом ЦК-ГБ. К этим расчетам А. Янова я еще возвращусь, пока же скажу, что оппозиция истинная (внутренняя и эмигрантская) им полностью в этой статье игнорируется. И это тоже — игра в резонанс западным советологическим предрассудкам. Разумеется, западному сознанию технократическая и менеджерская оппозиция кажется и куда более влиятельной, и куда более серьезной, чем безденежные и бездолжностные литературные и околотекстурные "экстремисты", к "болтовне" которых они привыкли и у себя дома. При роковом дефиците каналов общения между российской (эмигрантской в том числе) честной, серьезной мыслью и Западом, при угрожающем непонимании советских условий, естественном для свободного мира, контакты между западной аудиторией и людьми, говорящими ей только то, что она хочет услышать, становятся страшными. Негативный исторический смысл обезоруживающей демократию наукообразной мифологии, текущей непосредственно "от сердца к сердцу", преувеличить трудно. Успех публикаций такого рода на западных языках обеспечен, потому что массовое настроение и стандартного образца "сайентистской", и обывательской аудиторией работает в спектре концепций А. Янова.

Несколько слов о тех, кого А. Янов называет "внутренней оппозицией". В книгах А. Зиновьева (и в "Управляемой науке" М. Поповского) блестяще (изнутри) воспроизведен слой,

который А. Яновым представлен Западу как надежда мира. Главное свойство этого слоя — цинизм. Ибо он действительно все знает о советской системе, больше других россиян знает о Западе, но получает немалые блага из рук правителей, и выхода, не чреватого — в лучшем случае — потерей всех этих преимуществ, для себя не видит. Я полагаю, что даже те представители этой элиты, которые внутренне склонны к западной (со всеми ее несовершенствами) демократии, не склонны прежде всего ни к малейшему — в каких бы то ни было целях — личному риску. Потому-то они в элиту и выкарабкались. Это гранинские минаевы, яшинские "рычаги", дудинцевские "китежане", тем более безнравственные, чем острее их ум, шире эрудиция и полнее понимание происходящего. Равнодушная, беспринципная, в какой-то своей части отчаявшаяся советская менеджерская элита отобрана посредством 60-летней тотальной селекции. Ориентация на нее так же губительна, как отождествление коммунизма с империализмом, колониализмом или истинным интернационализмом и космополитизмом. Пожалуй, самым грозным в анализируемой мною статье является следующий рецепт А. Янова: "Давать или не давать СССР новые кредиты, — об этом спорят сейчас в связи с поправкой к поправке Джексона. И я предлагаю здесь всего лишь изменить угол зрения, посмотреть на проблему с позиций «Коалиции Надежды». И как только мы это сделаем, мы тотчас увидим, что не можем согласиться ни с теми, кто говорит "давать", ни с теми, кто говорит "не давать". Ибо "давать" означает лишь затягивать дни агонизирующего брежневского режима, а "не давать" — означает укрепление изоляционистской позиции Русской Новой Правой и, быть может, приближение новой сталинизации России. Для меня проблема в другом: как кредитовать, зачем, кредитовать, кого кредитовать? С позиций «Коалиции Надежды» давать кредиты следует не брежневским чиновникам из Министерства внешней торговли, а непосредственно — конкurentам и оппонентам Русской Новой Правой, крупным производственным объединениям, центрам мощи среднего менеджериального класса. Ибо тем самым мы придавали бы им новый вес и новый статус, самой логикой вещей выводили бы их на политическую орбиту, где они только и могут эффективно отстаивать свои интересы против военно-промышленного комплекса. Иначе говоря, мы укрепляли бы в советском эстаблизменте те группы интересов, успеха которых мы желаем."¹¹

Что в этой совершенно абсурдной, с точки зрения современного или бывшего советского подданного, рекомендации важнее всего?

¹⁰ См. "Время и мы" № 37.

¹¹ "Синтаксис" № 6, стр. 94.

Западные политики привыкли к нормальной жизни. Поэтому им может показаться весьма остроумной и демократичной мысль А. Янова, что деньги надо давать не Внешторгу, а непосредственно крупным советским "фирмам", чтобы те тратили эти инвестиции на продукцию, имеющую спрос на внутреннем рынке, а не на производство оружия. Западный человек не понимает, что Внешторг — такая же марионетка, как "менеджер" советского предприятия или Главка, и что "фирма" в СССР одна. Через кого бы "буржуйские" деньги ни передавались, распоряжается ими центр этой единственной фирмы — ЦК-ГБ.

Но вчерашнему советскому человеку не следовало печатать такие рекомендации в русском журнале. Реакцию большинства русских читателей он мог бы предусмотреть.

Впрочем, ответная реакция, какой бы она ни была, захлебнется в замкнутости эмигрантской прессы. Ведь даже прилично владеющие русским языком западные сайентисты и политики, подвигаемые к тому еще и своими "информационными донорами" из эмигрантов, почти не читают русских несветских изданий и авторов.

А. Янов пишет: "Сталинизация России на исходе XX века может послужить источником кризиса всего существующего миропорядка..."

Да полно, не шутка ли?

А нынешний СССР и нынешний мировой коммунизм еще не служат "источником кризиса всего мирового порядка"? Разве речь идет еще не о том, как разрешится кризис, а всего лишь о его предупреждении?

Далее следуют два совета А. Янова, которые, возможно, обладают "рациональным зерном":

1) проявлять неколебимую настойчивость в приглашении на международные научные конференции только тех ученых, которые пользуются признанием и безоговорочным уважением своих западных коллег (я бы, правда, сказала, что нужна настойчивость не только в приглашении, но и в допущении исключительно тех, кто того достоин);

2) разоблачать в западной прессе "лгунов и наемников КГБ" типа Юрия Жукова и компании.

Но вывод из этих двух здравых советов (и еще нескольких, менее здравых) поразителен: "Не оказалось ли бы это вдобавок еще и самым дешевым способом обеспечить собственную безопасность? Если американцы согласны тратить ежегодно 130 миллиардов на вооружения, то не экономней ли было бы потратить однажды 130 миллионов хотя бы для того, чтобы проверить, нужно ли действительно тратить 130 миллиардов?"¹²

"Проверку" эту призваны, разумеется, произвести западные советологи и политологи под руководством и при активном участии "сливок русского интеллекта" (в лице?). Ведь ограниченный, по свидетельству А. Янова, интеллект и кругозор Солженицына здесь не годится. Да и вообще антикоммунисты тут неуместны.

Подкреплять в сознании американцев и без того угрожающе популярную в США мысль, что США слишком много тратят на вооружение, — при любых оговорках?.. Трудно оказать более губительную услугу беспечной и не склонной терпеть какие бы то ни было лишения демократии.

* * *

Статьи Г. Померанца и А. Янова столь же несходны меж собой, сколь и их авторы, у которых различны и области интересов, и уровни образованности, и меры одаренности, и обстоятельства жизни и тематика предшествующих работ.

И все же в них есть нечто общее: смещение масштабов рассматриваемых ими явлений. В этом смещении неприятные или потенциально опасные, по мнению обоих авторов, черты писателя и мыслителя Александра Солженицына вырастают в мировую угрозу, близко и непосредственно готовую вылиться в русское нацистское нашествие на демократический мир.

Однако даже в том (отрицаемом мною) случае, если бы Солженицын был таков, каким он своим оппонентам видится, он был бы столь же не властен выполнить эти приписанные ему ими замыслы, как сегодня не может осуществить свою истинную мечту о спасении России и мира от коммунизма. Он писатель, а не самодержец и не главарь партократии, о чем его оппоненты предпочитают не помнить. Переваривание же коммунизмом одного государства за другим протекает уже 63 года и вошло в фазу почти беспрепятственной эскалации и мирового террора.

В то же время в картине мира, нарисованной Г. Померанцем и А. Яновым, коммунизм принимает расплывчатый облик почти безобидного ночного ненастья где-то "на краю Ойкумены".

Отдельные оригинальные экскурсии, яркие или верные мысли и меткие замечания первой статьи не уравновешивают угрожающей смещенности чувств и оценок обоих авторов.

И я не знаю, что удивительней: глубокая неприязнь ли их обоих к А. Солженицыну, в первом случае — сдержанная корректностью Г. Померанца, а во втором — граничащая с озлобленностью, или странная толерантность по отношению к коммунизму. У меня нет удовлетворительного объяснения для этих двух фактов.

¹² "Синтаксис" № 6, стр. 97–98.

Н. А. НЕФЕДОВ

ЧЕТЫРЕ БЕЛЫХ АРМИИ И ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА

В связи с выходом книги известного русского писателя Романа Гуля "Я унес Россию" на страницах "Русской Мысли" развернулась полемика по поводу социального состава Белой армии. М. Сергеев не согласен с определением Романа Гуля, что Белая армия была офицерской армией, ибо у ген. Юденича был Талапский полк (сформированный из талапских рыбаков Псковского озера), а у адмирала Колчака — Ижовский и Воткинский полки (собственно, Ижовско-Воткинская бригада) из заводских рабочих. Ему возражает В. Кузнецов ("Русская Мысль" от 27 августа), что, мол, "три полка, растворившиеся в общей массе противобольшевицких сил, не могли придать Белой армии окраски народного движения".

Однако оба пишут не по существу, ибо упускают из вида, что была не одна, а ч е т ы р е б е л ы х а р м и и. Каждая из них имела свою организацию, свои стратегические планы и совершенно различные социальные составы. И каждая из этих антикоммунистических армий имела своего главнокомандующего. Они действовали в полной независимости друг от друга. Правда, белые главнокомандующие — ген. Деникин, ген. Юденич и ген. Миллер — декларировали, что они подчиняются Верховному Правителю России, адмиралу Колчаку, но подчинение это было только номинальным: каждый из главнокомандующих действовал по своему усмотрению. Да иначе и не могло быть, так как их разделяли тысячекилометровые расстояния.

И каждая из четырех белых армий имела свое формальное наименование: Добровольческая армия ген. Деникина; позднее, после вхождения в нее 8 января 1919 года Донской казачей армии, — Вооруженные Силы Юга России.

Русская Северо-Западная армия (вначале — Северо-Западный корпус) ген. Юденича, сформированная в Псковской губернии и Эстонии.

Русская Северная армия (на севере Европейской России) ген. Миллера. Армия эта была весьма малочисленной и просуществовала недолго.

Русская Сибирская армия адм. Колчака, самая многочисленная.

Но в обиходе все они как большевиками, так и всем населением назывались Белой армией, ибо, как сказал ген. Деникин, пока существуют красные русские, будут и белые русские. Собственно, обозначение "белые" в противовес "красным" впервые было присвоено национальным финским отрядам, которые в

1918 г. разгромили вооруженное выступление красных финнов, пытавшихся установить в Финляндии коммунистический режим по примеру русских большевиков. Отсюда и "белофинны". Возможно, по цвету финского флага — белого с синим крестом. Позднее обозначение "белые" было перенесено и на русские антикоммунистические войска. До середины 1918 г. белых добровольцев большевики почему-то называли "кадетами". Возможно, считая их конституционными демократами.

Добровольческую армию можно считать "офицерской", как это делает Роман Гуль, только в 1918 г., когда он в ней служил, но к началу 1919 г., как отмечает В. Кузнецов, "называть ее в целом офицерской нельзя". И не только потому, что в ней был высокий процент казаков-хлеборобов, донских и кубанских. В Добровольческой армии были и часто солдатские полки, в которых офицеры были только на командных постах. Например, Самарский полк. О том, что в армии Деникина было немало крестьян, главным образом, из перебежчиков и пленных красноармейцев, и даже шахтеров, можно узнать из книги ген. Туркула и писателя Ивана Лукаша "Дроздовцы в огне".

Но если все же армию ген. Деникина так или иначе можно считать офицерской, поскольку ее костяком и ударными частями были офицерские полки, то другие белые армии под определение "сословные" или "офицерские" никак не подходят. В Северо-Западной армии не было ни одного не только офицерского полка, но даже — офицерской роты. Если Талапский полк был сформирован из рыбаков, то все другие части были сформированы из крестьян Псковской и Петроградской губерний и городских мастеровых, приказчиков, мелких служащих. Значительный процент составляла учащаяся молодежь: гимназисты, реалисты, ученики народных училищ. Все вступили в армию добровольно. Командование Северо-Западной армии нигде мобилизации не производило. Была еще дивизия свет. князя Ливена, переброшенная морем с Курляндского фронта, сформированная частью из возвращающихся из германского плена русских солдат, пожелавших включиться в борьбу против большевиков, частью — из либавской и рижской русской молодежи. Другая часть Северо-Западной армии состояла из перешедших на сторону белых советских частей. Семеновский полк, единственный полк (если не считать латышские стрелковые полки) в Российской армии, который по неизвестным причинам по-

чему-то большевиками не был расформирован, как это было сделано со всеми другими полками, полностью перешел к ген. Юденичу, причем перешел линию фронта парадным маршем под звуки своего полкового оркестра. В полном составе перешел и советский кавалерийский полк Булак-Болаховича и другие красноармейские части. Все же офицеры в Северо-Западной армии были только на командных постах и в разных штабах. То, что армия ген. Юденича состояла в основном из крестьян и простонародья, можно узнать из книги писателя А. Куприна "Купол Св. Исаак". При штабе Северо-Западной армии А. Куприн издавал антисоветскую газету.

Что касается армии адмирала Колчака, то в ней не только Ижовско-Воткинская бригада состояла из рабочих, но и все другие части были сформированы из крестьян, главным образом, мобилизованных. Офицеров у адм. Колчака не хватало, и взводами часто командовали унтер-офицеры. Колчак даже попросил ген. Деникина выделить для своей армии опытных офицеров, но по техническим причинам их было невозможно перебросить. Так что из всех четырех белых армий только Добровольческую армию можно определить как офицерскую, в остальных же трех белых армиях офицеров, соответственно с рядовым составом, было не больше, чем в любой регулярной армии.

Еще В. Кузнецов, оспаривая приводимый М. Сергеевым пример испанской гражданской войны, пишет, что не в пример белым, которые получали от Антанты, можно сказать, символическую помощь, "армия Франко имела существенную помощь извне: итальянская дивизия, интенсивная помощь Гитлера". Выходит так, что не будь этой помощи, фалангисты Франко могли бы и не победить. Так ли это? — Вряд ли В. Кузнецов забыл, что если итальянцы помогли ген. Франко наземными войсками, а немцы авиацией, то красные испанцы получили еще гораздо большую помощь из Франции, Сов. Союза, Мексики и Англии*. Через французскую границу непрерывно шло всевозможное вооружение для спасения красной Испании. Только одних самолетов красные получили из Франции 1627. Из советских черноморских портов каждую неделю в Барселону, Тарагону, Валенсию и др. порты приходили суда, груженные оружием и людьми. По сведениям турецких властей, которые имели возможность регистрировать грузы кораблей, проходящих Дарданеллы, с 1936 г. по март 1939 г. из СССР в Испанию было доставлено: 245 самолетов, 734 танка, 703 орудия, миллионы патронов и гранат. Это только из черномор-

ских портов, но оружие шло еще и из Ленинграда; частью оно шло через французские порты. Вместе с оружием прибыло невыясненное, но исчисляемое в тысячах количество советских командиров: летчиков, танкистов, разных военспецов, которые сразу заняли командные военные и политические посты в республиканской армии. Из них наиболее известны будущие советские маршалы: Малиновский, Рокоссовский, Конев, Кулик, комкор Смушкевич, комдив Штерн и др. Артиллерией командовали Воронов, авиацией — Тороханов, бронетанковыми войсками — М. Петров, во флоте хозяйничал адмирал Кузнецов. Политикой заправлял чекист Каган, советскую контрразведку возглавлял Орлов. Яков Серебрянский организовывал закупку и нелегальную отправку оружия из нейтральных стран (США, Чехословакии, Дании и др.). Подавитель Ярославского восстания, в свое время правая рука Дзержинского, чекист Янис Берзиньш организовал в Барселоне отдел НКВД. Для камуфляжа советского вмешательства в испанские дела все действовало под псевдонимами: Смушкевич — под именем Дугласа; Воронов — Вальтера; Штерн — Григоровича; Берзиньш — Гришина и т.д. Только посланный в Испанию в качестве корреспондента Илья Эренбург не имел псевдонима. Эренбург, с присущим ему нахальством, влезал политическим советником в штабы республиканских войск и проводил советскую пропаганду. Даже накануне полного разгрома Эренбург призывал красных не отступать, ибо не сегодня-завтра в Барселонском порту высадутся советские танковые дивизии, которые "разобьют наголову фашистов в три дня".

Кроме советчиков, против Фаланги воевали интернациональные бригады под командованием коминтеровца Лукача (настоящая фамилия — Мате Залка) и Листера. Интернациональные бригады формировались во Франции и перебрасывались через француско-испанскую границу без всяких формальностей. Число бойцов, прошедших через интербригады, исчисляется примерно в 100000. Больше всего было французов. Как стая воронов, на испанскую землю слетелись матерые коминтеровцы: немец Ульбрихт, хорват Тито, итальянец Толиатти, француз Андрэ Марти, венгер Эрне Горе и др.

На стороне Франко сражался 40-тысячный итальянский корпус, но он не отличался боеспособностью, и германский воздушный легион "Кондор", насчитывающий 6200 человек, из них — 300 летчиков, остальные — авиационный наземный персонал и зенитчики. У Франко были тоже иностранные добровольцы — главным образом, португальцы, но всего 10 тысяч. Был и русский национальный отряд из парижских эмигрантов под командованием ген. Фо-

* Британское правительство оказывало помощь тайно.

ка. В Толедо, в знаменитой крепости Альказар, висит мраморная мемориальная доска, на которой золотыми буквами написаны имена павших в боях русских воинов. Итак, иностранных войск у Франко было примерно в два раза меньше, чем у республиканцев. Правда, советские летчики по боевым качествам далеко уступали не только немецким, т.н. "ассам", но и испанским летчикам. За войну красные потеряли 1360 самолетов, главным образом, управляемых "сталинскими соколами". Их сбивали как куропаток, в первых же боях. Был сбит над Мадридом и командир советских эскадрилий С. Торахов. Примерно из 600 советских летчиков домой вернулось не больше сотни.

И все же, несмотря на громадную помощь, — военную, продовольственную, финансовую и моральную, — оказанную не только Сов. Союзом и Коминтерном, но и либеральными правительствами Франции, Мексики, Великобритании, победили национальные, а не красные испанцы.

Почему же в Российской гражданской войне получилось наоборот? Да потому, что население Испании, большинство которого, как и в России, составляло крестьянство, не спрашивая, какого оно сословия, сразу поддержало генерала Франко с оружием в руках. Только распропагандированные рабочие, интеллигенты-неудачники, уголовный элемент да еще каталонские и баскские* сепаратисты встали на защиту Народного Фронта, сбитою из коммунистов, социалистов и анархистов-синдикалистов. Крестьян же, даже бедняков, у красных было мало. Одна из причин тому, что после того, как в феврале 1936 г. власть в Испании перешла в руки "испанского Ленина" — Ларго Кабаллере, Хуана Негрина и Долорес Ибарури, коммунисты и социалисты сразу показали свое истинное лицо. Только за 4 месяца, с февраля по июль 1936 г., т.е. еще до выступления Франко, коммунисты и социалисты успели расстрелять 250 человек и тысячи бросили в тюрьмы, где шли состязания в избитии заключенных. Всего же, помимо уничтожения десятков тысяч своих "классовых врагов", красные республиканцы убили около 6000 священников, в том числе 12 епископов и свыше 10000 монахов и монахинь. Параллельно с расстрелами красные вандалы сожгли и разрушили до основания свыше 10000 церквей и монастырей. И испанский народ, его лучшая часть, понял, какой "социалистический рай" готовят Испанию поборники "свободы, равенства и братства". Испанский мужик, labrador, оказался прозорливее, возможно, не столь политической зрелостью, как чутьем, чем рус-

ский мужик. Его не соблазнил ленинский лозунг "Грабь награбленное" и, не смущаясь, что им будет командовать офицерское сословие, он пошел в армию ген. Франко, что и определило разгром испанских красных войск, интернациональных бригад и советских "спецов".

Однако, с утверждением Романа Гуля, что "в 1918 г. до взрыва крестьянских восстаний (Тамбовского, Кронштадта и др.) было далеко. Крестьяне еще пребывали в бакунинском дурмане революции", можно согласиться только отчасти. Оно касается только части, правда, большей части русского крестьянства, но не всего, как и далеко не всего малоимущего городского населения. Доказательство тому — многочисленные вооруженные выступления и восстания, начавшиеся уже весной 1918 г. В "Энциклопедии Латвийской ССР" (Рига, 1968 г.) отмечается:*

"В 1918 г. латышские стрелки участвовали в подавлении контрреволюционных заговоров и бунтов в Калуге, Саратове, Нижнем Новгороде, Новгороде, Осташкове, Старой Руси и в других городах и селах Калужской, Московской, Пензенской, Тамбовской и Саратовской губернии. 6 и 7 июля 1918 г. в подавлении езеровского восстания в Москве, латышские стрелки решили его исход. Кроме того, они участвовали в ликвидации антисоветских восстаний в Ярославле, Муроме, Рыбинске и других городах".

Здесь перечислены только те восстания, которые были подавлены латышскими стрелками, а всего же, как отмечает известный очеркист Лацис (Судрабс) в своей книге "Два года борьбы на внутреннем фронте", в 1918 г. было зарегистрировано 245 крестьянских (у Лациса — "кулацких") вооруженных выступлений.

Но все эти вооруженные выступления и восстания не имели организации, носили локальный характер и, следовательно, не были эффективными и легко подавлялись карательными отрядами, главным образом, латышскими стрелками и венгерскими, австрийскими и другими интернационалистами, набранными из военнопленных Австро-венгерской армии. Ярославское восстание было грандиозным. На его подавление было брошено два латышских стрелковых полка (6-ой и 8-ой), 3-ий Венгерский интернациональный полк под командованием Лайша Гавро, 1-ый польский Варшавский Революционный полк, отряды китайских наемников, 2-ой Московский Советский полк, Советский Ярославский полк, отряды коммунаров и 3 бронепоезда. Восстание удалось подавить только на 16-ый день непрекращающихся

* Баски разделились. В войсках Франко было тоже немало басков. Прим. ред.

* "Latvijas PSR Maza Enciklopedija", Riga 1968.

ся свирепых боев на подступах объятых пламенем города.

Но если какая-то часть населения, в том числе и крестьяне, оказывали вооруженное сопротивление советской власти, то вступать в антисоветские армии, как, впрочем, и в Красную армию, оно не хотело. Скорее всего потому, что это было связано с уходом из дома на фронт на долгое время, в то время как сопротивление большевикам в своих местах от дома не отрывало. Наивно думалось: вот выгоним коммунистов и опять заживем свободно, не нужно будет кормить большевицких дармоедов. Но большая часть крестьян вообще заняла центральную выжидательную позицию: вы войдете, а моя хата с краю. В Испании же нейтральных не было: или за Негрина и Кабаллеро, или за Франко. Большинство испанцев не посмотрели на то, что Франко был сословным генералом и вступили в его армию, а к генералу Деникину, хотя он и не был сословным, а был сыном крестьянина, выслужившим за 20 лет службы чин прапорщика, крестьянин не шел. В красной же армии бойцов не хватало. Прежде всего, ее элитой и костяком была пресловутая советская латышская стрелковая дивизия, насчитывавшая 24000 стрелков (10 полков), и еще несколько латышских полков и батальонов, в Латдивизию не входивших. Преданностью Ленину и боевыми качествами отличались и части венгерских и других интернационалистов. Что касается русских красноармейских полков, то об их составе обстоятельно написал в своих воспоминаниях не какой-то антисоветчик, а первый главнокомандующий всеми вооруженными силами Советской Республики, командарм Якумс Вацетис (он же начальник Латышской стрелковой дивизии):

”Большинство крестьян были против большевиков. Рабочие — как где. В Казани, например, они отказались взять в свои руки оружие. В Красную армию вступали прежде всего всякие негодяи и хулиганы, те, кто в мирное время боялся тяжелой работы. Теперь они могли получить оружие, одежду, содержание и ничего не делать. Это была соблазнительная перспектива для всяких бродяг.

В 1918 г. главные города России и провинции были переполнены хулиганами, которые все вступили в Красную армию. Такими воинскими частями была наполнена вся Советская Россия. Самое доходное и приятное занятие для этих элементов было — обыски в квартирах, словом воровство и грабеж.

Позднее, когда на фронте удалось ввести дисциплину, все эти тысячи подонков были брошены в огненное горло войны и там частью были переработаны в ценный боевой элемент, но большей частью — погибли. От оружия противника они несли большие потери, так как не были обучены вести бой и не хотели быть обу-

ченными. Но вперед нужно было идти, так как за спиной стояли заградительные отряды из верных красноармейцев, которые за каждое неисполнение боевого приказа или бегство с поля боя, отплачивали им пулеметным огнем.

Единственно, латышские стрелки были на высоте своих заданий.”

Роман Гуль совершенно прав, и он не говорит ”очень непопулярные вещи”, когда в своей книге ”Я унес Россию” пишет:

”В те дни я возненавидел всю Россию: от кремлевских псевдонимов до холуев-солдат, весь народ, допустивший в стране всю эту кровавую мерзость. Я чувствовал всем существом, что в такой России у меня места нет”.

Этот горький упрек народ заслужил. Только весьма незначительная часть русского крестьянства пошла в антисоветские армии; подавляющее же большинство всячески уклонялось от мобилизации и тем самым допустило победу всяких негодяев и подонков. Как пишет Роман Гуль, ”и царскому генералу Антону Деникину, а уж тем паче гвардии полковнику Хаванскому мужик не верил. В этом была беда и мужика, и всей России”.

Да, в этом и была беда... И за свое ”моя хата с краю” и еще больше — за неприязнь к белым генералам мужик жестоко поплатился. Какие бы грехи, вольные и невольные, ни были у белых генералов, но бесспорно: и для России, и для всего мира было бы лучше, если бы в гражданской войне вышли победителями белые, а не красные. Мы не знаем, какое правительство пришло бы к власти в России в случае поражения Ленина и его большевицкой банды — хорошее или плохое. Был бы в России установлен авторитарный строй, как после гражданской войны в Испании; а может быть, как обещали вожди Белого Движения, было бы создано Учредительное Собрание; или установилась бы какая-нибудь другая форма правления; достигло бы население России западноевропейского стандарта или жило бы беднее, но уж во всяком случае даже при самой пылкой фантазии нельзя представить себе тех советских очередей за картошкой или за чехословацкими ботинками, которые наблюдаются на 64-ый год в стране победившего социализма. Никто не может сказать наверняка, что представляла бы собой Россия без коммунистов. Но не может быть никакого сомнения, что при любом российском правительстве, будь оно авторитарным, монархическим или демократическим, которое образовалось бы после поражения красной армии, не были бы расстреляны сотни тысяч людей; не были бы уморены голодом миллионы крестьян; не были бы сосланы на Архипелаг ГУЛАГ десятки миллионов; не были бы изгнаны из своих родных мест и депортированы в Казахстан и другие места, довольно отдаленные, целые народы

и народности; не были бы разрушены или превращены в склады и клубы 40000 православных церквей и с десяток тысяч храмов других религий. Никакое другое правительство, кроме советского, никакая диктатура, кроме коммунистической, не подумала бы оградить своих граждан или подданных китайской стеной от внешнего мира, тем Железным Занавесом, который простирается от берегов Ледовитого океана до бассейна Дуная. И если при самодержавии каждый подданный Российской Империи, независимо от его национальности, мог в любое время свободно покинуть страну по своему желанию, как и в нее вернуться, то ясно, что после ликвидации советского режима, свобода передвижения оставалась бы такой, какой она была в дореволюционной России и какая существует в настоящее время в свободном мире. Впрочем, такая же свобода передвижения была и во франкистской Испании.

Но народ дальше своего уезда не заглядывал и, как пишет Роман Гуль, "к белым народ не хотел идти: господя". Но и к красным-то тоже особенно не шел. Кто шел в красную армию, нам уже поведал советский главком Я. Вацетис.

Большевики вышли победителями в гражданской войне не потому, что население было на их стороне, а потому, что они имели лучшую политическую организацию, чем белые. И только при помощи жестокого террора и введения института заложничества они смогли успешно провести мобилизацию, заставить воевать не только пытавшихся удержаться в стороне, но даже и явных противников большевизма — царских офицеров. Любая же мобилизация, объявленная белым командованием, всегда проваливалась. А те методы, которые практиковались Лениным, Троцким и Ко, белые применить просто не могли. После кровопролитного боя, разъяренные гибелью своих соратников, под горячую руку, белые могли расстрелять попавших к ним в плен красноармейцев, как это описывает Роман Гуль; могли при занятии города беспощадно расстрелять попавших в их руки чекистов и активных коммунистов, но в тылу, в спокойной обстановке, расстреливать пачками людей только за то, что они не явились на призывной пункт, пытались скрыться, — на это они не были способны. Красные же расстреливали на месте, без всякого суда, каждого, пытавшегося уклониться от призыва в красную армию. И нельзя даже представить себе, чтобы белое командование отдало приказ расстрелять каждого десятого в отступившей без приказа свыше части, как это, согласно приказу Троцкого, широко практиковалось в красной армии; как нельзя и представить заградительные отряды, щедры отплачивавшие пулеметным огнем пы-

тавшимся покинуть поле боя, как это было обязательным у красных почти при каждом сражении.

Сошлемся и на пример белого офицера Романа Гуля. Как он сам рассказывает в своей замечательной книге "Я унес Россию", прослужив несколько месяцев в Добровольческой армии, он заявляет своему командиру, что гражданская война не по нем, и потому он из армии уходит. Пожалуйста — вольному воля. И офицер Гуль спокойно уезжает в Киев. А ну, прикинем: что случилось бы с ним, если бы он служил не в белой, а в красной армии и с подобным заявлением обратился бы к своему красному командованию? Можно ли сомневаться, что он немедленно угодил бы в Особый отдел, а уж оттуда вряд ли вышел живым?

Еще Р. Гуль предполагает, что, мол, "если бы вместо генерала Антона Деникина во главе армии стал бы тамбовский сельский учитель Антонов с мужицким лозунгом "земля и воля", тогда бы дело было иное".

С этим предположением (или утверждением) можно было бы согласиться, если бы не было примера. Но такой пример был, а именно: летом 1918 г. в Среднем Поволжье и на Урале образовалась некая-то сословная, а Народная армия, во главе которой стали "сельские учителя": народники, трудовики и социал-революционеры, создавшие в Самаре КОМУЧ — Комитет членов Учредительного Собрания. Чтобы не было сомнения, что Народная Армия — истинно народная и демократическая, в ней было запрещено ношение погон. Сформироваться Народной армии помогло вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, который был сформирован русским командованием в ходе мировой войны для включения его в борьбу против Австро-Венгерской империи за независимость Чехословакии.

После захвата Лениным власти и заключения им с Германией Брест-Литовского мира, чехословацкие войска утратили всякое значение. Когда же, согласно мирному договору, германские войска приступили к оккупации Украины, то находившиеся здесь чехословацкие части поспешно эвакуировались в Среднее Поволжье и на Урал, чтобы отправиться дальше во Владивосток, а оттуда морем во Францию, на Западный фронт.

Узнав о намерении чехословаков, германское правительство потребовало от Ленина их разоружить и задержать продвижение эшелонов. Требование дружеской Германии было уважено, и в конце 1918 г. Ленин отдал приказ приступить к разоружению чехословаков. В ответ на предъявленный ультиматум чехи разогнали и перестреляли местные Советы, захватили 25 и 26 мая Новосибирск, Мариинск, Челябинск и другие города, а 28 мая — Пензу. Одновременно с выступлением чехов немед-

ленно образовались антикоммунистические русские отряды, а в некоторых городах вспыхивали восстания еще до прихода чехословаков. Один из главных организаторов Ярославского восстания, генерал Гоппер (в независимой Латвии ген. Гоппер был комендантом Риги), в своей книге "Четыре катастрофы" пишет:

"Освобождение Сызрани от красных, по рассказам и тем отчетам, которые печатались в газетах, произошло стихийно, только при самой незначительной поддержке чехов. Офицерство и гражданская интеллигенция, воодушевленная успехами чехов, сплотилась и востала без всякой предварительной подготовки, неожиданно даже для них самих".

Скоро по всем городам и селам Урала и Среднего Поволжья начали организовываться народные отряды и весь громадный район охватил пожар гражданской войны. 8 июня чехословацкие и русские части ворвались в Самару и после ожесточенного уличного боя с Латышским Самарским стрелковым батальоном, овладели городом. Тогда и был создан учредителями КОМУЧ, а из разрозненных русских отрядов, до того не имевших ни общего командования, ни главного штаба, — Народная армия. Однако крестьяне вступили в нее в весьма ограниченном количестве. Действуя совместно с чехословацкими частями, Народная армия вначале имела успех. По всему восточному фронту красные войска отступили на правый берег Волги. 4 августа русские части и 1-ый Чехословацкий пехотный полк подошли на 20 пароходах и баржах к Казани и высадили десант. Казань защищали 4 латышских стрелковых и Латышский кавалерийский полки и другие красноармейские части. В жестоких уличных боях латышские стрелки и красные курсанты были разгромлены. 5-ый Земгальский Латышский стрелковый полк потерял 80% своего состава. Чудом спасся от плена главнокомандующий Восточным фронтом Я. Вацетис. По приказу Троцкого в бежавших красноармейских частях каждый десятый был расстрелян.

Итак, по всему фронту Народная армия, правда, без помощи чехов, одерживала победу за победой. Учредилорцы КОМУЧ слали воззвания за воззванием по деревням и селам и именно с лозунгом "земля и воля", вступать в Народную армию, но и "мужицкий лозунг" не помог: к "сельским учителям" — народникам

мужик тоже не шел. Довольно густо населенное Среднее Поволжье и Приуральский район с г. Уфой, находившиеся под контролем КОМУЧ, могли бы легко дать сотню-другую тысяч солдат, чего бы было вполне достаточно, чтобы развить дальнейшее наступление, и не за "помещиков и капиталистов", а за "землю и волю". Но мужик предпочитал отсиживаться в своих деревнях. И когда Вацетис, сосредоточив под отданной Казанью свои латышские полки и свежие красноармейские части, повел контрнаступление на Казань, то для защиты ее у народников солдат было мало. Хотя защитники Казани, в том числе и казанский рабочий батальон, оказали красным упорное сопротивление, но отстоять город не смогли. С падением Казани судьба Народной армии была предрешена. Вацетис в своих воспоминаниях пишет:

"В латышских полках потери были столь значительными, что после занятия Казани им было необходимо дать возможность провести несколько дней в городе, чтобы получить пополнение.

Через несколько дней латышские полки на судах отправились из Казани в сторону Симбирска. У города Спасска они высадились на берег, повели наступление с тыла на чехословаков и разогнали остатки тех полков (Народной армии), которые бежали из Казани (...). Казаки и остатки других частей перешли на службу к Колчаку. В первые дни октября армия Учредительного собрания была ликвидирована".

Итак, как мы видим, и на берегах Волги борьбу Народной армии даже против чужих подонков — красных латышских стрелков, мужик тоже не поддержал. Белые армии все же продержались 3 года, а Народная армия — 3 месяца. Испанская Фаланга не выбрасывала лозунгов "за землю, за волю", ее лозунгом был "Arriva España!", и с этим лозунгом испанцы разгромили красных и выбросили с позором интернациональных подонков Лукача и Листера вместе с советскими спецами.

Тысячу раз прав Роман Гуль, упрекая народ, допустивший в России к власти кровавую мерзость, от "кремлевских псевдонимов до холуев-солдат", а к его знаменательным словам: "царскому генералу Антону Деникину мужик не верил. В этом была беда и мужика, и всей России", — можно добавить: и всего мира.

В. КОБЫЛИН

МЫСЛИ О ВЛАСТИ*

Очень трудно определить словами явление, которое мы называем властью. В учебниках и общей теории права и государственного права мы находим это определение. Но ни эти учебники, ни труды Монтеスキё, Канта, Шеллинга и Гегеля, которые дают свои объяснения этого сложного взаимодействия между источником власти и его объектом, не дают все же ясного представления о самой сущности власти. Говоря о власти, многие заявляют, что она нужна, необходима, что она делегируется кому-то кем-то, что она претерпевает изменения из-за времени, которое вносит новые жизненные проблемы, что, наконец, власть способна видоизменяться и еще очень много всяких сообщений о возможностях и способностях этого необычайного явления.

Что же нужно, чтобы подойти ближе к самой сущности власти? — Немного отойти от "всяческой суеты". Прибегая к этому библейскому выражению, я хочу указать на нечто более точное, вернее, извечное, что смогло бы помочь уяснению этого феномена.

Тут приходится указать на то, что власть является религиозной категорией. Для людей, лишенных способности мыслить метафизически, можно предложить представление о природном процессе, хотя, конечно, это было бы паллиативом.

Если мы будем говорить о Боге как Творце мира, то мы неизбежно приходим к выводу, что Бог властвует над созданным Им миром. Другими словами, власть Бога — это то, что сотворено для жизни. Для жизни и человека, и всей остальной природы. Причем это рассматривается как Благо, то есть исключается какой-либо, если только можно так выразиться, диссонанс и нарушение этого закона.

Но мы знаем, что еще в домирном существовании, то есть до сотворения вещественного мира, произошло событие, которое было нарушением этого Закона, то есть власти Бога. Тут, конечно, можно ожидать возражения, что это легенда. Я сразу хочу отмежеваться от этих возможных заявлений, так как в противном случае, отказываясь от Божественного откровения, мы попадаем в мир, где только материя является признанной "научной" категорией, то есть иными словами, мы попадаем в убогие во всех отношениях марксистские способы "объяснения" мироздания.

Восстание Люцифера или Денницы, который был совершенством, говорит за то, что гордость является тем, что выявляет Зло. И вос-

стание Люцифера, его ниспровержение в бездну, было рождением Зла.

А затем пошло уже по известному нам пути. Господь Бог, сотворив Человека, дал ему свободу воли, то есть предоставил ему выбор между Благом, или властью Бога, и Злом, то есть властью Дявола. И Бог попустил, то есть дал возможность, Дяволу обольщать, соблазнять человека. "Будьте, как боги", шептал обольститель. И человек, нарушив власть Бога, впал в грех, в первородный грех.

Вот эта мысль — "быть как Бог", является, как ни парадоксально, всем несчастьем нашего времени.

В своих очень интересных статьях в разных печатных органах, и в частности в "Альтернативах" (№ 20 "Голоса Зарубежья"), А. Федосеев дает очень интересный разбор и всех существующих категорий власти, и предлагает некоторые виды власти как наиболее подходящие для нашего или ближайшего будущего времени. В другой своей работе А. Федосеев дает чрезвычайно обширную схему будущего Основного Закона или Конституции.

Тут придется сказать, что, указывая на слабые стороны, на отрицательные явления той или другой государственной власти, А. Федосеев очень удачно, убедительно говорит обо всем этом. И все ссылки на прошлое, и на примеры из жизни государств с различной государственной структурой, говорят о несомненной эрудиции автора и способности убедить читателя в том, что это соответствует действительному положению вещей.

Но, как только А. Федосеев начинает говорить о том, что является положительным и нужным, и часто в мельчайших подробностях, сразу же выявляется спорность всех этих положений. И в особенности в том, что все эти подробности, все тщательно подобранные формулировки государственной и общественной структуры вряд ли нужны, вряд ли важны, вряд ли смогут заинтересовать.

Мы переживаем "лихое время", которое совершенно исключает какие-то предположения на будущее. И тут следует сказать, что часто "программные" высказывания наводят на какие-то сомнения. Так, например, одна эмигрантская организация сравнительно недавно опубликовала свою программу, в которой явно проглядывает "машина принуждения". "Будьте солидарны, так сказать, с программой, а не то ...".

Мы живем в такое время, когда все апокалиптические события ставятся, так сказать, на повестку дня, и никак нельзя предположить

* Статья печатается в порядке дискуссии.

даже, что нас ожидает в самом ближайшем будущем.

Если говорить все же о будущем, то можно только не в каких-то параграфах программных положений, а в кратких, но убедительных очертаниях того крайне необходимого, без чего не может быть даже мыслимо какое-либо государственное бытие нашей родины.

Этой необходимостью является духовное возрождение, религиозное осознание нашей жизни и очищение, как личное, так и общественное. Восстановление чувства собственного достоинства и признание иерархии ценностей. Установление авторитета семьи, школы и такого государственного порядка, который устоял бы надолго. Вот, например, творцы Американской Конституции заявили "In God we trust", а теперь молитва удалена из школ, преступникам дается широчайшая возможность уйти от наказания и явный разврат считается "конституционным". Так что какие-либо параграфы не дают никакой гарантии в том, что они сохранятся в, так сказать, "неповрежденном" виде.

И еще одно, пожалуй, самое важное. Будет ли в будущем установлена республика или монархия, самым существенным должно быть отсутствие засилия политических партий, как правых, так и левых, так как все, что происходит сейчас на нашей родине, — это власть коммунистической партии, символом которой является мавзолей на Красной площади с мушкетерской шляпой и мундиром партийного изувера. Ведь все программные положения партии сводятся в конечном счете к ее партийным интересам, которые становятся обязательными для всех, как только партия приходит к власти.

Есть два вида существования партии — тоталитарный режим (коммунизм, национал-социализм, фашизм) и засилие партий при режиме "плюралистического диапазона", как это было во Франции при III и IV республике. Правительства составлялись лидерами партий со всякими комбинациями, существовали предельно короткий срок и затем заменялись таковыми же, и так до того времени, пока Де Голль не положил конец этому позорному явлению.

Есть распространенное мнение, что без политических партий, активно участвующих в правительстве и законодательных учреждениях, не может быть подлинного правового представительного строя. Позволю себе в этом усомниться.

В Литовской республике, от самого основания независимого государства в 1918 году, существовали многочисленные политические партии. В 1926 году, после выборов в Сейм, к власти пришла коалиция левых партий. По всей стране начались демонстрации с красными флагами, просоветскими лозунгами и улич-

ными эксцессами. Повсюду были митинги с самыми безответственными выступлениями.

Группа офицеров авиации в ночь на 17 декабря арестовала ("интернировала", как было заявлено) правительство и кое-каких видных политических деятелей. На пост президента был приглашен первый президент Антанас Сметона. Сейм был распущен, никто не был заключен, членов правительства выпустили. Все партии, и левые, и правые остались нетронутыми. Они выпускали свои газеты, устраивали всякие конгрессы, но ... Президент внес поправку в основной Закон. "Члены партий не могут входить в правительство, быть избираемыми в Сейм и быть в Верховном Суде".

Выбирались представители от землевладельцев и рабочих, духовенства и интеллектуальных профессий. Через 3-4 года половина членов вышла из своих партий. Президента переизбрали, и вся страна зажила спокойной жизнью, а экономика страны процветала. Это пример, как можно, не трогая партий, обезвредить их от проведения их партийных программ в жизнь.

Высказывания покойного Ивана Лукьяновича Солоневича о том, что "после советской России нужна свирепо централизованная и беспощадно свирепая власть", говорят о том, что ему было чуждо нравственное обоснование монархии как религиозной категории, где власть монарха зиждется не на "беспощадной свирепости", а на признании его как носителя Верховной власти, исходящей от Божьего Промысла. И монарха нужно любить и понимать все значение суверенности этой власти. Если этого не будет, никакие "свирепости" не помогут, так как это будет переходом в тоталитаризм, который совершенно чужд монархии.

При республиканском строе отсутствие партий и религиозная основа государственности помогут создать общественность, в которой люди будут действовать не по партийным предначертаниям, а на основе нравственного служения своей родине. Конечно, можно сказать, что это иллюзорно, даже наивно предполагать возможность таких идиллических времен. Но стремиться к этому нужно уже и сейчас. И поэтому демократия такого вида, как это мы видим теперь в Западной Европе и в Америке, вряд ли может вызвать стремление подражать ей в нашем российском опыте.

А все то, что касается "единой, неделимой" или федерации, то, как мне кажется, это носит уже вторичный характер.

И только стремление к очищению основных нравственных положений от всей засоренности современной цивилизации может привести к чаемому нами просветлению на нашей родине.

”ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ”

(Выдержки из статьи Яна Юзефа Липского, появившейся в парижском польском журнале ”Культура” № 10/409 1981 г.)*

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы с радостью печатаем касающиеся России и русских отрывки из статьи Я.Липского. К сожалению, журнал ”Культура” иногда ставил знак равенства между Россией и СССР. Тем более мы приветствуем эту статью, хотя мы не во всем согласны с автором в оценке дореволюционной России и ее отдельных феноменов. Тем более мы согласны с мыслями, высказанными в конце печатаемого нами отрывка: только совместно мы обретем свободу или мы ее долго еще не получим. В этом направлении у журнала ”Культура” есть достойная традиция. Лет 15 тому назад редакция выпустила тетрадь на русском языке под лозунгом: ”За вашу и нашу свободу.” И мы обращаемся к автору статьи и всем дружески настроенным к русскому народу полякам с этими словами: за вашу и нашу свободу!

Отношение широкой польской общественности к русским иное, чем к немцам. Против немцев накопилось много ненависти, проникнутой страхом, а вместе с тем и большого уважения. По отношению к русским наравне с ненавистью (разве что более умеренной и не завешенной так глубоко, как к немцам) и страхом кошмарных снов о советских танках, стреляющих по взбунтовавшимся полякам, преобладает презрение и чувство превосходства. Откуда оно взялось — черт его знает, но в общем поляки убеждены в том, что русская культура ниже польской. Более высокий или более низкий культурный уровень народов — тема щекотливая и опасная. Народы напоминают людей во многих отношениях. Как для воспитанного в христианской этике человека и сознательно ее признающего, каждая личность равна по ценности и достоинству всякой другой, хотя один человек умен, другой глуп, один добр, другой зол, так и каждый народ имеет свою ценность и свое достоинство, независимо от того, что один одержим в данное время гитлеризмом или, напротив, имеет богатое искусство и т.д. Я знаю, что у литовцев нет поэтов формата Мицкевича и Словацкого, драматургов уровня Выспянского и т.д. (с ”и т.д.” надо быть осторожным: Чюрленис принадлежит, по моему мнению, к самым знаменитым художникам своего времени) — и я, несмотря на это, не отважился бы относиться с пренебрежением к их народной культуре. Тут нет места для размышлений, почему это так. Может быть, дело в понимании того, что живущий в литовской культуре человек находит в ней достаточно почвы для полного развития в себе человечности. Но тем бо-

лее странно, откуда взялось распространенное в Польше убеждение в собственном культурном превосходстве над русскими?

Чувствовать культурное превосходство над народом, который дал Достоевского и Толстого, не считая по меньшей мере двух десятков писателей, которые могли бы быть гордостью любой европейской литературы, над народом Рублева, Менделеева и Стравинского — это в самом деле какое-то недоразумение. Это народ, создавший былины и выдающуюся церковную живопись уже тогда, когда наша национальная литература была еще очень убогой, а живопись в пеленках. Ни один из польских писателей не оказал такого влияния на литературу Запада, того Запада, к которому мы хотим принадлежать, как Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов. Ничто также не указывает на то, будто духовная культура польских крестьян была более богата, чем таковая крестьян русских. Эти культуры только различны. Есть нечто гротескное, а вместе с тем и жалкое в мегаломанском чувстве превосходства многих поляков над русскими.

Эта позиция, однако, обосновывается также и с другой точки зрения. В польской идеологии издавна, со времен романтизма, имеют хождение мнения, что возникновение русской культуры было отрицательным образом обусловлено скрещением влияний византийских и монголо-татарских (туранских).

В последнее время можно заметить в прессе и других не подверженных цензуре публикациях головокружительный успех концепции в этой области Феликса Конечного. Очень сжато о его концепции можно сказать, что в результате этого византийско-туранского скрещения возникла якобы культура, в которой подчинение единиц иерархической власти является чем-то само собой разумеющимся; коллективизм господствует над личностью, этика орды — над этикой личности.

Как обыкновенно бывает в случаях таких обобщений, есть там нечто правильное, но вместе с тем слишком многое как-то не удается одно с другим согласовать. Традиции московского деспотизма имеют, верно, в себе нечто унаследованное от образца китайской власти, а положение и роль царя и его двора в этой системе были вполне сознательным подражанием Византии. Но в России существует и иная, встречающаяся традиция, традиция духовной независимости, начиная с князя Курбского или даже раньше: традиция разногласия и искания идейной опоры на Западе. Россия декабристов, Герцена, Земли и Воли, народников — это не

* Перевод с польского Валентина Яра.

византийско-туранская Россия. В наше время русские образовали недавно слово "самиздат", которым и мы теперь часто пользуемся. Они были первыми, показавшими путь, платя за это большую цену, а комитет великого Сахарова может служить нам вдохновением и образцом. Им, к тому же, труднее, и от них требуется больше отваги.

Запомним, что освобождение средней и восточной Европы от советского тоталитаризма зависит, главным образом, от освободительных движений в СССР. Самый большой и играющий первенствующую роль в империи русский народ еще далек от того, чтобы добиваться демократических прав. Будучи угнетенным народом, он притом, естественным образом, наиболее деморализован. Тут сильнее всего расцветает новое явление: советский "патриотизм" (увы, с этим явлением можно встретиться не только у русских). Здесь легче всего найти сторонников интервенционно-усмирительной политики, держащей в повиновении государства-сателлиты; тут каждое упоминание о том, что самоопределение народов СССР может стать фактом, вызывает чаще всего гнев. Тем большее уважение, отбросив смешное и глупое чувство превосходства, и более живое братство должны нас сблизить с русскими, борющимися за свободу. Еще несколько лет тому назад в Польше немного было отважных людей, готовых противиться полицейской и тоталитарной системе, но если посчитать русских, которые отважились на сопротивление, если сравнить репрессии, то можно только проникнуться чувством восхищения и уважения.

Им труднее, чем нам, потому что они перенесли десятилетия кровавейшего в истории мира внутреннего террора, прошли уже длящийся много лет, по большей части кровавый

отрицательный отбор, а карательные меры бьют по ним сильнее и беспощаднее.

Когда речь идет о русских, то мы, поляки, не хотим понять того, что советский строй, стараясь уничтожить национальное самосознание поляков, литовцев, латышей, украинцев, грузин, армян и т.д., усиленно уничтожает также и национальное самосознание, традиции и культуру русских. Советский строй так же жесток и убийственен для поляков, как и для русских.

Каждый поляк должен в наше время понять, что существуют два аргумента: моральный и политический, согласно которым наши традиционные неприязнь и мания величия по отношению к окружающим нас народам теперь самоубийственны. В моральном смысле — то обстоятельство, что мы уже в большой степени отравлены советчиной, что нам грозит потеря духовной связи с нашим прошлым и с западной культурой, с этическими традициями христианства; то, что было пятном на нашей истории и на нашем национальном духовном содержании — пятном, лежащим также и на значительных и многих других народах, — может оказаться предвестником разложения и смерти. Политический смысл говорит нам, что следует считаться с тезисом, свидетельствующим о том, что от угрозы разложения и смерти мы освободимся или все вместе, — как народы СССР, так и народы, зависящие от него, — или ни один из нас. Совсем ничтожна вера в то, что тоталитарный, держащий в повиновении входящие в состав СССР народы, советский строй смог бы быть вынужденным выпустить из когтей добычу, каковую мы в настоящее время в некоторой степени представляем.

НЕПРАВДА. В статье "Профессиональный провокатор" Л. Бородина, "Вече" №2 стоит следующее утверждение: "Что журнал "Голос Зарубежья", обвиняя в "агентуризме" целое политическое направление у себя на родине, ведет серьезный и деловой обмен мнениями с человеком, о котором бывший политзаключенный Хайбулин (ныне о. Варсонофий), разоблачивший Гидони еще в лагерях, то есть задолго до возникновения ВСХСОН, сказал, что не встречал в своей жизни более страшного человека с такой гениальной способностью перевоплощаться в любую роль" (стр. 142).

Все, что в этом утверждении касается "Голоса Зарубежья", — прямая ложь.

1) "Голос Зарубежья" не обвинял никакого "целого политического направления на родине" (что это за направление?) в "агентуризме". 2) Журнал не вел и не ведет никакого, ни серьезного, ни делового, вообще никакого обмена мнениями с А.Гидони. Это утверждение просто высано из пальца.

Печатая эту явную неправду в редактируемом им журнале, Е. Вагин только унижает сам себя. Но... нужно ли этому удивляться?

РЕДАКЦИЯ

В. ПИСАРЕВ

ПЛАНОВАЯ ЛЮБОВЬ

– *А есть еще один вид любви: любовь советского народа к коммунистической партии! Вот эту любовь, дети, мы и будем изучать!*

(Из советского анекдота "Урок сексологии")

В 1935 году, 1 июня, в СССР было принято мало кому сейчас известное постановление о полной ликвидации детской беспризорности в стране.

А задавался ли кто вопросом: когда и каким образом возник в России социальный феномен, именуемый "детской беспризорностью"?

В сознание советского гражданина крепко-накрепко вколочена мысль, что советская власть спасла от голодной смерти миллионы детей-сирот, приняв их в качестве "тяжкого наследия" первой мировой войны. Затем официальная пропаганда нехотя, сквозь зубы, добавляет, что определенное число беспризорников является результатом войны гражданской, но тут же, встретившись, бодро и весело сваливает вину за развязывание этой войны на "внутреннюю контрреволюцию и мировой капитал".

Партийная пропаганда добилась невероятных успехов, доказав народу (кто в этом сомневается?), что политическая партия, в период войны выступающая за поражение своей страны, – есть партия патриотов!

И мало кто знает, что В. Ленин, этот многоликий Протей, тактическими зигзагами приводящий в ошеломление даже собственных соратников, в 1916 году выступал в роли "оборонца"!

В то время как уставшие от войны народы и правительства все более склонялись к мысли о мире, В. Ленин в своем письме к Р. Люксембург грубо одергивает вождей II Интернационала, утверждая, что только дураки могут сейчас агитировать за мир!

Война должна продолжаться! Чем хуже – тем лучше! А затем перерастание войны империалистической в войну гражданскую!

Наступает февраль 17-го, и В. Ленин, снова "пораженец", выдвигает уже требование мировой гражданской войны как спасение народов от войн!*

В том, что война продолжалась, что гибли отцы, оставляя детей сиротами, виновата и РСДРП (б)!

Интересно, что в октябре 1917 года никакой революции в России не было. "Махровые антисоветчики" события октября 1917-го оп-

ределяют как "контрреволюцию большевиков", в то время как сам В. Ленин, а долгие годы спустя – И. Сталин октябрьские дни 17-го называли "октябрьским переворотом".

Октябрьский переворот был практически бескровным. Россию кровью залила гражданская война, когда по ее равнинам мотались тачанки Пятой народной армии батьки Махно, лавы Первой конной да отряды матроса-анархиста Железняка, глубоко оскорбленного тем, что Балтфлот выдал ему мандат депутата Учредительного собрания!

И кто бы ни падал с седла, лихим ударом разваленный с плеча по пояс, – дети оставались сиротами!

К 1933 году коммунисты должны прекратить разговоры о "тяжком наследии", поскольку к этому времени последний юноша – ровесник Октября уже переступил шестнадцатилетний рубеж.

И если взять обычный возраст ребят советского детдома, который колебался от шести до шестнадцати лет, то к 1933 году основная масса воспитанников приютов, детских домов и колоний родилась и осиротела уже при советской власти.

Спрашивается: где их родители и во имя чего они погибли?

И если Иван Карамазов мучается проблемой: стоит ли светлое будущее одной слезинки замученного ребенка, то всей своей деятельностью председателя Совнаркома В. Ленин отвечает: стоит! И даже более того!

В тылу, где холод и голод, тиф и безработица, В. Ленин требует прекратить выдачу хлеба неработающим и их семьям.

А делегатов X-го съезда успокаивают тем, что если для спасения промышленного Центра придется ограбить всю страну, то ее ограбят!

И страну грабят, забирая зачастую у крестьянства весь хлеб, обрекая его на голодную смерть, и тем не менее голодает и промышленный Центр!

Почему?

Ясность в этот вопрос вносит глава "рабочей оппозиции" Шляпников:

* 7 апреля 1917 года в газете "Правда" В.И. Ленин обвиняет в клевете Г. Плеханова за то, что последний позволил себе процитировать в газете "Единство" возражение одного из противников большевиков, утверждавшего, что В. Лениным "возрождено знамя гражданской войны в среде революционной демократии".

В. И. Ленин отвечает, что о гражданской войне он и не заикался, а всегда был горячим сторонником созыва Учредительного собрания.

” Там, в Наркомпроде, не только неправильно распределялись наши ресурсы, но и преступно заготавливались и гноились. ... Аналогичное катастрофическое положение сложилось и с топливом.”

Да простится святая простота лидеру ”рабочей оппозиции”, усмотревшему криминал в закономерных последствиях централизованных заготовок. Разве и на сегодняшний день не гноятся хлеб на колхозных токах и овощи в государственных кагатах? Или не ”горят” километровые бурты хлеба на целине?

Для собственного спасения коммунисты не только ограбили всю страну, но в короткий срок создали семимиллионную армию, которая, как заявил один из делегатов X-го съезда РКП (б), для страны ”экономически была не по силам”.

Не забудем, что это была насильно мобилизованная армия. Принцип добровольности умер, не успев родиться. По свидетельству К. Радека ”принцип добровольности” был тактическим приемом Троцкого.

А вот что говорит сам создатель Красной Армии Л. Троцкий: ”... мы брали красноармейца прямо из деревни, вооружали его — иногда у входа в вагон, иногда вооружение ехало отдельно от него, и мы вооружали его по высадке; две-три недели, а то и неделю он проводил в запасной части, потом, поскольку его неподготовленного приходилось бросать в огонь, на него набрасывали железную сетку дисциплины в виде комиссаров, трибунала, заградительных отрядов и пр.”¹

А что происходит в тылу? В тылу специалисты в области четырех действий арифметики, получающие пайки из Наркомпрода, палец о палец не ударили, чтобы хоть как-нибудь наладить хозяйственную жизнь страны. Напротив, с откровенным злорадством наблюдали они инфляционную свистопляску, ожидая, что со дня на день, согласно теории Маркса и Энгельса, деньги отомрут.

И, возвращаясь на родное пепелище, видя кругом тлен, мерзость и запустение, демобилизованный красноармеец отворачивался от плуга, брал в руки винтовку и уходил в банду.

В. Ленин предупреждает, что к весне 1921 года политический бандитизм вырастет качественно и количественно за счет демобилизованного красноармейца.

Развитие бандитизма в России, как политического, так и бытового, — единственный прогноз гениального вождя, который оправдался полностью...

А граждане первого в мире ”рабоче-крестьянского” государства тем временем продолжают умирать!

И в это же время блистательный диалектик Н. Бухарин всю историю разбойничьей вакханалии в России делит на диалектические про-

тиворечия, особо выделяя ”второе противоречие” в поведении пролетарских вождей. Это ”противоречие”, по словам Н. Бухарина, заключалось в следующем: ”Та же самая военная система на основе общей нищеты развивала то, что мы называем ударностью, — ударность ведомств, ударность определенных групп, отдельных товарищей, и развивала вместе с этим определенные материальные привилегии для этих ударных группировок работников и отдельных лиц”.²

Николай Иванович, да как у Вас кусок в горле не остановился после этого ”второго противоречия”? Сколько детей погибло, сколько осталось сиротами в результате подобной диалектики?

А какое количество детей осиротело в периоды коллективизации и голода 30-х годов, когда И. Сталин с насмешкой отверг помощь ”буржуазного филантропа г-на Ф. Нансена”, заявив, что хлеб в стране есть?

А во времена великого террора?

Определение этого количества практически невозможно, так как данные о динамике народонаселения, приходящиеся на эти годы, в официальных справочниках ”СССР в цифрах” — отсутствуют...

С первых лет советской власти сложилась в России ситуация, доселе ей незнакомая. Миллионы детей остались совершенно одиночками. Брошенные на произвол судьбы, осевшие на улицах, базарах, вокзалах, дети тесно вошли в соприкосновение с воровским миром, усвоив и уличную мораль, и уличную организацию.

У власти не было ни времени, ни желания заниматься беспризорниками.

Справедливости ради надо заметить, что при Совнаркоме существовал Народный комиссариат просвещения, под началом А. Луначарского, который по его собственным словам, находился в ”загоне” и иначе как ”третьим фронтом” у чекистов не именовался.

Требую внимания к работе Наркомпроса, А. Луначарский поясняет что, кроме воспитательной работы, этот комиссариат должен еще и ”защищать самое существование детей”.

Следует ли понимать, что положение на ”третьем фронте” было настолько тяжелым, что других слов народный комиссар не нашел?

Во всяком случае, когда власти предрержащие соизволили, наконец, обратить свое внимание на улицы советских городов, к своему величайшему удивлению, беспризорника они там не обнаружили. Он таинственным образом исчез, уступив свое место новой категории советских граждан — малолетним преступникам.

Облавы на этих малолетних преступников, определение их в приюты, колонии и детдома в советской официальной педагогике были объявлены ”подвигом и великой заботой”,

как будто оставить детей на улицах было бы для общества явлением нормальным...*

В советской педагогике принято считать, что предтечей всех специалистов по переделке морально-дефективного материала в полезных членов общества является А. С. Макаренко.

Однако уже на первых страницах книги "Педагогическая поэма" А. Макаренко приводит любопытный разговор с завгурнаробразом.

— Вот ишу, ишу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек — по улицам пройти нельзя и по квартирам лаят, — жалуется завгубнаробразом.

Ему возражает А. Макаренко:

— Ведь и до революции с этими босяками справлялись. Были колонии малолетних преступников.

— Это не то, знаешь. До революции это не то.

— Правильно. Значит, нужно нового человека по-новому делать.

— По-новому, это ты верно.

— А никто не знает как.

— А вот у меня это самое... есть такие в губнаробразе, которые знают...

— А за дело братья не хотят.

— Не хотят сволочи, это ты верно³

Следовательно, были босяки и в старой России и тогда с ними худо-бедно справлялись. Каким образом?

Сам А. Макаренко пишет, что до революции основная масса детей-сирот определялась в "мальчики", т.е. шла "в люди".

Не исключена возможность, что иной "мальчик", ко времени, когда он начнет обрывать бородой, сунет нож за голенище, возьмет в руки кистень и выйдет на большую дорогу. Но ведь чеховский Ванька Жуков тоже находится в "мальчишках", а каждому ясно, что на большую дорогу он не пойдет. Да и бывший "попутчик пролетарской революции", а ныне "основоположник социалистического реализма" М. Горький тоже был босяком...

Но все это не то! Нужен новый человек, и в губнаробразе есть педагоги, которые знают, что надо делать, чтобы из босяка вырос и просто мастеровой, и человек нового типа, будь то "Мурка в кожаной тужурке" или "комиссары в пыльных шлемах".

Только вот ни "мурук" ни "комиссаров" эти "сволочи" из босяков делать не хотели.

За воспитание нового человека взялся

* Как заботилась Советская власть о беспризорниках, говорит хотя бы то, что по официальной статистике на Украине в 1925 году было 46.559 детдомовцев. А остальные из упомянутых выше миллионов бездомных детей и подростков? Они ждали целых 10 лет, пока власть примет постановление о полной, а не частичной ликвидации беспризорничества.

Но ребенок-сирота, которому в 1925 году было 7 лет, к 1935 году в опеке детских учреждений уже не нуждается. Он сам может прокормить себя...

А.С. Макаренко, и по сю пору бытует расхождение мнений, будто талантливый педагог из бандитов и хулиганов воспитывал полезных членов общества.

А между тем... А между тем ни воры, ни бандиты, ни хулиганы А.С. Макаренко не беспокоили. Своей педагогической заслугой автор "Методики коммунистического воспитания" считает то, что он перестал воспитывать отдельную личность, а начал воспитывать коллектив, после чего его "перестали потрясать воровство и хулиганство".

По его мнению, два-три хулигана, выпавшие из коллектива, ничего ужасного из себя не представляют, и "тот, кто грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки, это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе".

Главную опасность, на основе личного опыта А.С. Макаренко, представляют те, которые уклоняются от его внимания, прячутся, незаметны в коллективе.

А.С. Макаренко предлагает вниманию педагогической общественности собственную, востине потрясающую классификацию детей: "тихони, иисусики, накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы"⁴

Кроме праведного гнева здесь чувствуется плохо замаскированная ненависть: ведь по теории А. Макаренко, "именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шулуны и дезорганизаторы".

В каких же врагов общества вырастают эти характеры? Быть может, они грабят, убивают, насилюют? Ничего подобного, этим занимаются другие характеры, бандиты и хулиганы, которые, согласно теории коммунистического воспитания, угрозы обществу не представляют.

Угрозу представляют те, которые "рано женятся, заводят семейку, пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, из комсомола выходят..."

А дальше? А дальше начинается самое настоящее "гниение". "... Кто хату начал ставить, кто свиной начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь и в мелкую спекуляцию пустился"⁵

Ну, что касается свиноводства, то тут А. Макаренко прав. Частный сектор всегда побивал сектор государственный. А что до мелкой спекуляции, то куда им грешным дальше? Для крупной спекуляции необходимы партбилет и пост какого-нибудь начальника.

Самое интересное, что в этой малопривлекательной группе ребят А.С. Макаренко обнаружил "самый большой цинизм в практической жизни".

Под цинизмом понимается "сентиментальность, нежная расслабленность, стремление

насладиться добрым поступком, прослезиться от хорошего поступка”.

”Тот добр, тот все прощает, тот чересчур нежен, тот чересчур уживчив”⁶, — с негодованием отмечает педагог-гуманист.

Главную задачу советской педагогики А.С. Макаренко видит в формировании личности, которая была бы достойна ”великой сталинской эпохи”, причем эта личность ”никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек”.

И если кто не пьет, жену не бьет, о детях заботится, не крадет, не врет, — все это еще не идеал нового человека.

А.С. Макаренко думает о воспитании личности, которая необходима ”советскому государству в эпоху диктатуры рабочего класса”, и наиболее привлекательны для него те качества, которые ”в примитивных формах присутствуют у каждого хорошего хулигана, но, ограниченные коллективом, они сообщают личности благородный сдержанный блеск и глубокую игру спокойной, непоколебимой силы”.⁷

Любому здравомыслящему человеку ясно, что для огранки и шифовки хулиганов, необходимых великой сталинской эпохе, воспитание, основанное, как определяет сам А.С. Макаренко, на принципах ”потусторонней нравственности”, не годится. Понимает это и А.С. Макаренко, когда гневно обрушивается на ”личность педагога-энтузиаста, ”доброе сердце” которого полно любви к самому испорченному ребенку”.

Он с пафосом восклицает: ”Атмосфера влюбленности и любви, разве это не та атмосфера, которую хотели завести в институтах благородных девиц и которую, конечно, не завели? И вот в наш век великой пролетарской революции хотят пойти даже дальше благородных девиц. Хотят доброму сердцу педагога предоставить даже право: выбрать ”по симпатии” ту область, которая сделается основным фоном опыта и развития ребенка”.⁸

И в конце, уже чуть успокоившись, А.С. Макаренко заключает: ”Нет никакой нужды спорить с подобной, ничего общего не имеющей с советской классовой педагогикой ”теорией”. Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчете на добрые сердца”.

Читаешь и перечитываешь эти откровения гуманной советской педагогики, и на память невольно приходят другие строки: ”И в час отхода ко сну он знал, как стать на колени у кровати исплакавшегося, икающего от обиды ребенка, легонько дотронуться до его головы: — Поцеловать тебя на сон грядущий? Ну спи, сынок, спи...”⁹

Это, безусловно не Макаренко. Это Януш

Корчак, работавший в старой, панской Польше. Не знаю, как в новой Польше, социалистической, но кто из приютских и детдомовских ребят Советского Союза может утверждать, что вечером у кровати не просто обиженного, а затравленного и избитого блатными малыша стоял сочувствующий и понимающий воспитатель?

Словно полемизируя с Янушем Корчаком, А.С. Макаренко пишет: ”Советское воспитание может быть делом только коллектива воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь лично к себе со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива”.¹⁰

Итак, если между наставником и питомцем вдруг возникнет чувство любви и привязанности, им необходимо перед этим навести справки: внесена ли данная любовь в план и одобрена ли она коллективом?

А существует ли вообще, в рамках коммунистической нравственности такая плановая любовь, которая не вызывает нареканий со стороны великого педагога?

Да, конечно, такая любовь существует. По мнению А.С. Макаренко ”наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, к товарищу Сталину” является уже ”готовым результатом коммунистического воспитания”.

Чем должен руководствоваться человек нового типа, чтобы вспыхнула эта любовь?

И тут нет ничего мудреного.

”Я верил, — писал А.С. Макаренко, — что ни биология, ни логика, ни абстрактная этика не могут определить норм поведения. Нормы определяются в каждый момент нашей классовой потребности и нашей борьбой.”¹¹

Правда, тут позволительно было бы задать вопрос: чем определяются нормы поведения блатных, еще не ознакомленных с теорией классовой борьбы, но стоит лишь вспомнить положение о ”социально близких”^{*}, и проблема умрет сама собой.

Не эта ли концепция ”социально близких” и обуславливает педагогическое кредо А.С. Макаренко? Ведь чего только стоит та милая наивность великого педагога, когда он сообщает читателям, что его образцово-показательная коммуна им. Ф.Дзержинского проходит определенный этап, когда в Совет командиров выбирались наиболее волевые мальчики и девочки из блатных?

Что же касается, как выражается А. Макаренко, ”неудачных детдомов”, то здесь, жалу-

* ”Социально-близкими” советская правовая традиция склонна считать уголовных преступников, в которых, в отличие от преступников политических, не усматривает опасных в рагов.

ется он, методика коммунистического воспитания подвергалась искажению. Последнее заключалось в том, что педагоги открыто подкупали блатных!

А что же происходит в коммуне им. Дзержинского? Весь коллектив коммуны, в которой нет воспитателей (работу воспитателей в младших группах и среди новичков выполняют старшие коммунары, получая за это самую высокую плату), А.С. Макаренко делит на "актив", "гниющий актив", "активный пассив", просто "пассив" и "болото" — термин, как неоднократно и торжественно заявляет А. Макаренко, изобретенный во времена великой французской революции.

Наибольший интерес среди этих групп представляет собой "гниющий актив". Это старшие ребята, бригадиры, члены Совета командиров и комсомольского бюро, от которых частенько пахнет вином, а станки и постели за них убирают младшие воспитанники.

Особой тревоги это ни у кого не вызывает. А.С. Макаренко спокойно пишет: "И я, и Совет командиров знали, что кое-кто из актива начал загнивать".

Гораздо большее беспокойство у А. Макаренко вызывают другие группы коммунаров: — "так называемые интеллигенты", "представители демократического принципа" и "идеологи пацанячьей автономии". И не странно ли, что в тот момент, когда власть у блатных перехватывают "интеллигенты" и "демократы", А.С. Макаренко вдруг чувствует, что коллектив коммуны "не совсем здоров"?

С горьким недоумением пишет А. Макаренко, как вдруг, без всякой борьбы, легко и спокойно старый Совет командиров уступил власть "демократам" и "интеллигентам".

На основе личного опыта беспризорника и детдомовца, могу заверить, что произошло это не легко и не спокойно. Блатные власть без борьбы не уступают.

Не одна бурная сходка проходила вечером в спальнях корпусах и не одному любимцу А.С. Макаренко после предьявления обвинений в издевательствах над младшими и "бубну выбили" и "темную" устроили...

Но это не столь важно. Важно другое. Мож-

но ли с точки зрения здравого смысла объяснить ту поразительную ситуацию, что, пока были у власти блатные, была в коммуне тишь, гладь и Божья благодать, а стоило только прийти к власти "демократам" и "интеллигентам", как все пошло кувырком? Воспитанники ходят грязные и оборванные, ломают мебель, расцветает воровство и падает производительность труда в мастерских?

Можно! Выступая перед читателями "Педагогической поэмы", А.С. Макаренко говорит: "Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих проступках, которые тогда оставались глубокой тайной.

Я испытываю настоящую благодарность к этим первым горьковцам за то, что они умели так хорошо замечать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива".¹²

И если в колонии им. М. Горького все было хорошо, то в образцовой коммуне им. Ф.Дзержинского блатная кодла перестала замечать следы, наглядно показывая и доказывая автору "Методики коммунистического воспитания", что давать власть интеллигентам и демократам ни в коем случае нельзя!

Бедные интеллигенты и демократы, с млядых ногтей вызывающие неприязнь как со стороны блатных, так и со стороны самой гуманной в мире советской педагогики!

Цитируемая литература

1. XI съезд РКП (б). Стенографический отчет. Издательство политической литературы. М., 1963 г.
2. X съезд РКП (б). Стенографический отчет. Издательство политической литературы. М., 1963 г.
3. А.С. Макаренко. Соч. т. I. Издательство Академии педагогических наук. М., 1950, стр. 14.
4. А.С. Макаренко. Соч. т. 5. Издательство Академии педагогических наук. М., 1951, стр. 391.
5. Там же, стр. 171.
6. Там же, стр. 427.
7. А.С. Макаренко. Соч. т. I. Издательство Академии наук. М., 1950, стр. 434.
8. Там же, стр. 659–660.
9. Н. Атаров. Предисловие к кн. Я. Корчака "Так любить детей". Издательство "Знание", М., 1968.
10. А.С. Макаренко. Соч. т. I. Издательство Академии педагогических наук. М., 1950, стр. 662.
11. Там же, стр. 653.
12. Там же, стр. 654.

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (Пропаганда — под иным знаком)

Посвящается памяти моей матери.

Никого не удивляет, что в советской прессе экономические статьи — это не описание действительности, а пропаганда. Но удивительно то,

что такая же пропаганда — с обратным, разумеется, знаком — начала появляться в эмигрантской прессе. Освободившись от цензуры, авторы антипропаганды не смогли освободиться от верхоглядства. Нам, со своей стороны, оста-

ется напомнить об отсутствии здесь неприкасаемых для критики авторов или идей.

Вот, например, в 53-ем номере журнала "Время и мы" опубликована большая статья И. Бирмана "Угроза". По мнению автора, у советского населения скопилось свыше 200 миллиардов рублей сбережений, что, якобы, грозит катастрофой советской системе. Наличие денег, которые нельзя истратить из-за отсутствия товаров, ведет к нарастающему недовольству населения. По той же причине деньги мало стимулируют рост производительности труда. Из этого И. Бирман делает вывод, что необходимо срочно отнять деньги у населения, т.е., "произвести грабеж народа" — по его выражению. С такими предложениями автор, по его признанию, выступал еще в Москве, но безуспешно, теперь он продолжает делать это здесь.

Если бы мне пришлось дать определение предлагаемой доктрины, я оценил бы ее как экономический абсурд. Недовольство народа отсутствием товаров удвоится, если у него отнимут еще и деньги, а недоверие к деньгам не повысит, а понизит производительность.

Но еще большее изумление вызывают арифметические вычисления И. Бирмана, на которых основывается его анализ. Как распределяются среди населения эти 200 миллиардов рублей? Автор считает, что у новоявленных богачей имеется незначительная часть этих денег, а остальное — у широких масс, и приводит следующий расчет. "Допустим, что есть 100 тысяч подпольных миллионеров и 200 тысяч полумиллионеров, то оказывается, что общий объем их накоплений составляет только 20 миллиардов рублей, что никак не изменит ни наши выкладки, ни основанные на них выводы." Протираем в изумлении глаза: $100\ 000 \times 1\ 000\ 000 + 200\ 000 \times 500\ 000 = 200$ миллиардов рублей, а не 20, что, естественно, начисто опрокидывает все ученые построения И. Бирмана. На каком электронном калькуляторе считал наш уважаемый автор? Трудно предположить, что он сознательно передергивал цифры, но во всяком случае ценность его статьи равняется нулю.

Для создания баланса И. Бирман утверждает, что примерно 50 млн. семей (т.е., около 170 млн. человек — подавляющее большинство народа) имеют сбережения по 2000 руб. (т.е., всего 100 млрд.). Как могли образоваться такие фантастические накопления при средней зарплате 160 руб. в месяц — тоже, конечно, секрет электронного калькулятора И. Бирмана. Уж не построил ли по ошибке коммунизм этот калькулятор? Но и в случае такой ошибки достаточно было бы построить 25 млн. квартир (что остро необходимо уже сейчас, а не в коммунистическом мареве) — и 100 млрд. руб. (а с мебелью — и все 200) были бы без труда поглочены к общему удовольствию.

В заключение И. Бирман всячески критикует американские советологические журналы ("Проблемы коммунизма", "Славик Ревью", "Комператив экономик") за то, что они отказались опубликовать разбираемую статью, и предлагает читателю поразмыслить о причинах этого феномена. Вышеприведенный текст является нашим вкладом в такое размышление.

Следующий пример антипропаганды можно привести из высказываний А. Янова. В 1977 году он заявлял: "Разве не в застое — с тех пор как Хрущев так неосторожно разрушил Гулаг, — советская экономика?" ("Континент" № 10, стр. 305). Мы готовы были бы обрушить на Янова громовые обвинения в цинизме и невежестве, если бы ровно через три года он не заявил обратное: "Крушение либерализации в конце 1960 годов привело к неостановимому падению эффективности советской экономики" ("Синтаксис" № 6, стр. 86). Нам остается только спросить: если А. Янов убедился в неверности своего прежнего мнения, то почему он прямо об этом не сказал? Ведь так не знаешь, чему верить...

В книге М. Поповского "Управляемая наука" (Лондон, 1978) также имеются совершенно неверные экономические утверждения. Вот что пишет Поповский: "Цены на внутреннем рынке СССР не имеют никакого отношения к себестоимости продукта и товара и потому не способствуют регулированию спроса и предложения. Ценообразование "с потолка" разрушает экономику страны" (стр. 262). Здесь все — сплошная бессмыслица. Оптовые цены в промышленности с 1967 года утверждаются только на основе отраслевой себестоимости. Розничные же цены на промтовары утверждаются именно на основе спроса и предложения, как это известно каждому покупателю: все модные, и хорошие товары — невероятно дороги, а на вещи, вышедшие из моды или плохого качества — цены снижаются. Разрушает же экономику страны, конечно, известный всем постоянный товарный дефицит, а не какие-либо запутанные специальные проблемы.

Далее Поповский замечает: "Можно ли давать экономисту для публикации п о д л и н н ы е цифры, если уже много лет планы не выполняются (стр. 119), а задания каждый год корректируются с тем, чтобы провал этих планов можно было бы объявить победой" (стр. 262). Здесь автор решительно не понимает, что экономиста интересуют цифры ф а к т и ч е с к о г о производства, а цифры п л а н а ему глубоко безразличны. Кстати, в последних сводках ЦСУ указывается не процент выполнения плана, а фактический выпуск в натуре и по сравнению с прошлым годом ("Экономическая газета" № 5 за 1980 и 1981 годы).

Наконец, автор жалуется, что "ни Госплан СССР, ни Совет министров, ни министерства

решительно не желают слушать рекомендации специалистов в области экономики” (стр. 262). Но как же слушать этих ученых если сам М. Поповский подтверждает, что именно в ”экономических институтах полно лжеученых” (”Русская мысль” от 29.3.78 г.).

Экономика оказалась простой В.Буковскому, и вот в своей книге ”И возвращается ветер” (”Хроника”, 1979), оторвавшись от описания досконально изученных психушек и тюрем, он посвящает ей несколько страничек (стр. 164–167). Пока автор живописует то, что видел: — свои встречи с подпольными миллионерами — и перечисляет изъяты у них ценности, возражений не возникает. Но далее он начинает говорить странные вещи: ”Числились на бумаге целые промышленные комплексы, значились в планах, получали государственные ассигнования — в действительности же рос на их месте средне-русский лесок или расстились степи. Все контролеры и инспекторы получали регулярную зарплату от расхитителей и процветали мифические предприятия”. Ни одного факта из промышленного строительства Буковский не приводит и понятно — ведь это вещи совершенно невозможные. Зато с легкостью в мыслях необыкновенной он иллюстрирует рассказ тем, что мэр Москвы сел в тюрьму за торговлю квартирами, или что секретарь Рязанского обкома Ларионов застрелился, когда вскрылись его махинации (приписка в животноводстве). При чем тут ”мифические предприятия” — неизвестно.

А вот другое открытие В.Буковского: ”Целые предприятия работали вместе с парткомами, профкомами и соревнованиями, а доходы шли в карманы частных лиц — замминистров и начальников управлений”. Доказательств, опять же, никаких. И быть их не может, так как, если даже на какой-то фабрике рискуют извлекать доходы из выпуска ”левой” (неучтенной) продукции, то уж основной-то план по доходам и всем другим показателям будет выполняться досконально, во избежание ревизий. ”Без приписок и махинаций ни один план не был бы выполнен, а без нелегальной частной инициативы вообще ничего бы не производилось в стране,” — продолжает В.Буковский. На этот раз он приводит доказательства: ”Все эти колхозы и совхозы, которые стали образцово-показательными хозяйствами-миллионерами, выжили только потому, что ими руководили умные жулики. Чаще всего их и жуликами-то назвать трудно.” Возможно, что все это верно, но опять-таки, причем тут промышленность? Забавно все-таки выглядит эта плюс-минус пропаганда: в одних описаниях промышленность не в силах двинуться без махинаций, в других — она не может шелохнуться без партийных заклинаний.*

Еще одно заключение делает В.Буковский:

”Каких только великих махинаторов ни видела Лефортовская тюрьма. Погиб здесь в 60-е годы весь цвет экономической мысли... С точки зрения общечеловеческой эти миллионеры никакого преступления не совершили.” Это уже целая философия. Частично Буковский опровергает эту голубую картину, замечая в другом месте: ”Миллионеры эти — большей частью публика неприятная, продажная, легко закладывает соучастников”. Виктор Некипелов, ныне осужденный на 7 лет, рассказывает несколько больше об одном из таких миллионеров: ”Это было чуждое, даже враждебное мне мировоззрение, мы просто жили в разных измерениях. Он исповедовал культ силы во всех ее проявлениях: сильной личности, сильной крови, сильной идеи, сильной власти, сильной расы. В этом плане ценил Сталина, Гитлера. Он считал, что в этом мире все покупается, все продается. Русскому народу — демократию? — спрашивал он. — Да ему нужна узда, вечное и прочное ярмо, он сам его на себя напялит, он не может без него, прывок, — утверждал этот бизнесмен. Он, еврей, считал русскую нацию сильной и отсюда выводил ее абсолютное право на государственное подчинение и постепенное поглощение всех других. Он оправдывал политический геноцид Сталина. И расовый — Гитлера. Даже по отношению к евреям” (”Время и мы”, № 24, стр. 195).

Нам неизвестно, насколько такие взгляды характерны для других подпольных миллионеров. Приведем еще впечатления Л. Плюща по этому поводу: ”Торгаши составляют особый слой москвичей, вместе с советской богемой, детьми советско-партийных боссов. Почти все в их кругу решается телефонными звонками. Все дни наши в тюрьме были заполнены рассказами о сладкой жизни. Много я знал ранее, но техники связей, блага, хищений, мошенничества — не знал. Оказывается, если бы Остап Бендер ожил, то быстро смог бы добыть свои миллионы”. (”На карнавале истории”, Лондон, 1979, стр. 551).

В любом случае следует указать В.Буковскому, что подпольные миллионеры свои доходы извлекали за счет неуплаты налога с оборота и всех косвенных расходов, которые входят в розничную цену товара. И неуплата налогов ”с точки зрения общечеловеческой” является нарушением закона во всех странах Запада.* Правильное замечание по этому поводу приводит И.Ефимов: ”Те, кто называют себя дель-

* Мы думаем, что это кажущееся противоречие действительно имеет место в тотально распланированном хозяйстве. Прим. ред.

* Мы считаем, что в этих вопросах нельзя сравнивать свободные страны и страны тоталитарного режима. См. статью В. Пирожковой ”Человек в тоталитарном государстве”. ”Новый журнал” № 87, июнь 1967 г.

цами, воображают порой, что дай им волю, они бы развернулись. Они не понимают, что грабить государство и играть на дефиците — это одно, а проявлять энергию, знания и находчивость в мире свободного предпринимательства — это совсем другое” (“Без буржуев”, “Посев”, 1979, стр. 326).

И поскольку В.Буковский небрежно отмахивается от любых возражений, я приведу еще свидетельство Ю.Карабчиевского, заранее прося читателя извинить длину цитаты — уж очень удачно это написано: “Я ведь не откуда-нибудь со стороны, а с детства, по самым близким контактам знаю всех этих честных делег, добывающих свои законные тысячи в обход беспардонных наших законов. Я вполне им сочувствую, я их понимаю, но не выдерживаю с ними никакого общения. Я стал приглядываться и обнаружил, что все они сплошь — уроды. Ухватываясь за шестеренку стальной машины, вращая ее тайно в другую сторону, они калечат себя еще больше, чем те, кто бездумно движется в общем кружении. И дело тут не в обычном свойстве противостояния, неизбежно роднящего с тем, кому противостояешь. Дело в том, что подпольные коммерсанты вообще ничему не противостоят, а совсем наоборот, активно используют все то, что мы терпим сокрушенно и бездеятельно. Поговорите с любым из этих преступников, с ежедневным нарушителем и подпольщиком — вы увидите, что он правоверен, как старший сержант и благонадежен, как начальник отдела кадров, а если где-то и критикует, то сделает это так невпопад и по-свински, что вам захочется тут же вступить-

ся за бедную многострадальную вашу родину, и вы выпалите что-нибудь несусветное и будете долго метать этот бисер под насмешливое и снисходительное хрюканье” (“Грани” № 116, стр. 150).

... Таков этот цвет экономической мысли, которому В.Буковский готов вручить экономику страны...

* * *

Читатель может спросить: а стоит ли уделять столько внимания всей этой антипропаганде? В.Перельман, редактор журнала “Время и мы”, рассказал недавно: “В России есть такой автор, Григорий Нилов. Я знаю его фамилию, но не буду называть. Это человек, который глубоко закрыт в России, и вот отсюда пишет нам статьи. Последняя его статья о коррупции в России, о коррупции партии. Это был отличный материал” (“Русская мысль”, 12.3.81)

И вот этот Г. Нилов в своем описании советской действительности (“Время и мы” № 59) ссылается на Буковского в одном ряду с Карамзиным, Герценом и американцем Кеннаном. Этот глубоко скрытый в СССР автор не сумел найти фактов вокруг себя, но как истину в последней инстанции цитирует именно вышеприведенные отрывки из книги Буковского.

Мы часто жалуемся, что иностранцы пишут о России “клякву”. Еще больше жалоб на столетней давности мемуары, например, де Кюстина. Но что же напишут о России через сто лет и что напишут завтра столь критикуемые американские профессора, если глубоко эрудированный Г.Нилов, находясь в центре событий, не может выбраться из частогокола нелепостей?

Э. БРОЙДЕ

ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ. 1881—1981*

Главное, верить надо, ... “что, слава Богу, есть еще справедливость на земле и что, если осудят невиновного, есть кому вступиться.” (Батюшкову, 23.1.1898).

“Верой” Чехова была объективность: “Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерваторм. Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист (...). Фирму и ярлык я считаю предрассудком”. (Плещееву, 4.10.1888). В наши дни “идеологи” также вынюхивают у всех “тенденцию”, чтобы друг другу налепить на лоб — ярлык консерватора, либерала, “агента”, перегрызть горло инакомыслящему. “Моя святая святых, — повторял Чехов, — это (...) свобода от насилия и лжи, в чем бы последние ни выражались”. (Плещееву, 4.10.88).

Узким горизонтам, ненавистничеству, — мыслитель противопоставляет “здоровье, ум талант, вдохновение, любовь”... Чехов ценил культуру Европы, много путешествовал, добровольно побывал не только на Сахалине, но и на “гражданской войне” — против холеры, бескультурия, на свои деньги строил школы, церкви, дороги, насаждал леса и сады, бесплатно лечил. А главное — создал великие произведения, помогающие и сегодня сопротивляться катастрофе (уже глобальной).

Чехов — единственный среди классиков выходец из народных “масс”, — не страдал комплексом вины. Сочетание мудрости с абсолютной трезвостью художника — явление феноменальное. Он не идеализировал народ, отвергал романтизм, все “сладостные” абстракции, подготавлившие катастрофу. Чехов-мыслитель отвергал преступное натравливание одного класса на другой: “Все мы народ и все то лучшее,

* Окончание. Начало статьи см. в № 22 “Г.З.”

что мы делаем, есть дело народное” (12.199).

Он категорически возражал против разных теорий (народнических, марксистских, черносотенных) — натравливающих массы — на культурную часть нации: “сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать”. (12.241).

Вера эта — помогла ему творить — вопреки смертельной болезни. Бунин вспоминал об исключительной силе чеховского характера. Репин писал, что Чехов любил “чувствовать на себе кольчугу мужества”. “Вишневый сад” написан как завещание. Он писал по одной строке, преодолевая боль. Сила Чехова — в духовной культуре, противостоящей Злу. Он всегда был за активность: “Я презираю лень, как презираю слабость и вялость душевных движений” (17,59). Сила — не в футлярной партийщине: “Партийность, особенно если она бездарна и суха, не любит свободы, широкого размаха”. (Плещееву, 23.1.88). Только с одной а личность ведет к возрождению: “Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна...” (Орлову, 22.2.1899). Сегодня это особенно актуально. Чехов был за большие и малые дела, но был врагом “маленьких” людей. В “Доме с мезонином” Лида Волчанинова плоха не тем, что делает “маленькую” работу, она страшна тем, что делает ее не ради людей, а во имя догмы, формы, “программы”. Закономерно, что любящая партийщина — душит жизнь. Художник отвергает мизерность и ложь “библиотечек” (сравните: “библиотечка война” и т.п.) и призывает к “Университетам”, т.е. к духовной культуре. История подтвердила правоту чеховского “максимализма”: так называемое “народное образование” отнюдь не препятствовало торжеству тоталитаризма и в “грамотной” Германии... Аналогично и “образованный” коммунистический Китай, научившись хорошо владеть западной техникой, более “грамотно” уничтожит мировую культуру.

Накануне катастрофы в России Чехов писал: “... Горький попробует, понюхает и бросит (...) и народные театры, и народная литература — все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать к Гоголю”. (Немировичу, 2.11.1903). Это “театр” Буревестника в “народной” рубашке, облезлого барина (Трофимов с “сократовским лбом”) в пролетарской кепочке. “Большая игра” с народом привела их к власти, но увела от Духовной Культуры. Как тоталитаризм, так и ширпотребовский, сытный

социализм Запада (с “лицом”) — не стремятся к духовной культуре: не разрешима проблема духовной нищеты подавляющего большинства населения, столь податливого на лозунги партийщины, обещающей “все” блага.

На отсутствии культуры, неспособности сотен миллионов к самостоятельному мышлению, — всегда будет паразитировать бездарная партийная бюрократия, цинично уверяющая в правильности пути... Чехов опередил XX век с его узколобыми “идеологами”, ведущими толпы к “счастью”... Он мечтал: “Придет время, когда интеллигент и тебя, мужика, будет воспитывать и холить как своего сына и свою дочь”... (12.232). Чеховские Университеты, как независимые и свободные внепартийные общества — могут сегодня служить будущему России: пусть хотя бы это будет началом свободного обмена мнениями, поиска путей духовного возрождения, выработка терпимости, умение внимательно и с уважением отнестись к чужим убеждениям, без проклятий и ярлыков. Это подкажет и конкретные шаги, новые формы организации и дисциплины — во имя всемирного возрождения.

К несчастью, большинство “... до такой степени не привыкло к возникновению (...) оригинальных мыслителей, теоретиков, творцов философских и моральных систем, до такой степени привыкли жить мыслью массовой, стадной или же заимствованной, что появление малейшей оригинальности, малейшего отступления от шаблонного цикла либеральных или консервативных идей (...) кажется нам чуть не светопредставлением”. (Оболенский. “Русская мысльбоязнь”. — “Русское богатство”, 1886, № 8).

В эпоху диктатуры стадной “мысли” Маяковский, естественно, отвергал, “реакционных” классиков: “... Смотришь и видишь / Гнусят на диване / Тети Маши / Да дяди Вани” (См. “Мистерия-буфф”). Маяковский установил прямую связь — и совершенно справедливо — между “врагом” Булгаковым и Чеховым: “... начали с тетей Маней и дядей Ваней, а закончили “Белой Гвардией”... Ольминский, теоретик марксизма, заявил, что относится к Чехову “в высшей степени отрицательно” и не рекомендует его книги “от лица коммуниста — никакому массовому читателю”. (См. в кн. “Чехов и советская литература”, М. 1966). Вс. Иванов — еще откровеннее: влияние Чехова, его произведения “вредоносны, растлевающие, реакционны, (...) надо преследовать и уничтожить на месте беспощадно”. (Там же) Как Гулилева...

В этой обстановке были ликвидированы “Чеховские Общества”, созданные интеллигенцией: “В 1934 году в связи с юбилеем Чехова, была сделана попытка восстановить их дея-

тельность: Совет Общества (...) написал письмо-прошение, в котором рассказывалась и история ликвидации Общества. Документ этот сохранился в архиве председателя Н.Д. Телешова; на полях его помета: "Ответа не последовало" (Там же, стр. 252). С 1934 года ответа так и ждут ("пиши дедушке на деревню"...). Надо надеяться, что спустя 50 лет, — к юбилейному 1984 году — будет реальным существование открытых чеховских университетов, не претендующих на "захват власти", но концентрирующих усилия всех людей, стремящихся к духовной культуре.

В 1984 году исполнится 80 лет премьеры "Вишневого Сада", "генеральной репетиции" партийщины и гибели Чехова. Время показать, что Сад не успели вырубить до конца, что Россия еще жива, — это будет отмечено в Чеховских Университетах, — как надежда на возрождение. Конечно, нельзя ждать "Юбилея": Иванов-Разумник посвятил чеховскому водевилю самую печальную главу своей книги "Тюрьмы и ссылки"... В России* и на Западе уже и в 1981 году можно создать Чеховские Университеты Свободы, где бы люди готовили себя быть достойными всемирного духовного возрождения, будущей свободной России.

Достоевский предупреждал, что если не будет "братьев", то зачем тогда и свобода? Если не будет духовной культуры, то грош цена всем партиям, вместе взятым... Если освободители отличаются только красивыми фразами, но не духовной культурой, то что они изменят? Будет ли это возрождением?

Чехов писал о партийной футлярности: "там, в московском кружке ... казалось, даже воздух сперся и застыл оттого, что все мыслили на один образец, говорили изо дня в день одно и то же, молились все одним и тем же богам" (См. т. 7, 542, "Именины"). После катастрофы Бунин сказал о Чехове: "Очень зоркие глаза дал ему Бог".

Общечеловеческая сущность духовной культуры, братская любовь ко всем, противостоящим тоталитаризму, — вот объединяющая сила Чеховского Университета. Он учит преодолевать злобную предвзятость партийщины, — честно и мужественно анализировать факты реальной жизни конца XX века. Беда и закономерность любого партмеханизма — в препарировании фактов, умолчаниях и лакировке, стремлении выдать желаемое за действительное, — чтобы доказать преимущество своей "программы". Так, борясь за власть, влияние, голоса, — "вынуждены" лгать во имя "святых" целей, подавлять инакомыслящих (а после победы — уничтожать "опасных вра-

гов народа"). Такова извечная логика борьбы за власть: фанатизм и ненависть у партийщины неизбежны как зубы хищника. Нет и никогда не будет "мудрых" хищников, история уже испробовала все эти варианты...

Чехов, Толстой, Достоевский — требуют идти дальше, преодолевать рутину, губительную особенно на рубеже XXI века, — когда силы Зла тысячекратно преобладают над зарождающимся сопротивлением. В этой, катастрофической для мироздания атмосфере, нет ничего более трагичного, как грызть горло друг другу из-за "единственно правильного" пути к "счастью"... после падения тоталитаризма...

Чеховские Университеты могут помочь в поиске путей к духовному единению на первом, важнейшем этапе: преодоление тоталитаризма. Жизнь подскажет потом все пути и формы, духовная культура будет путеводной звездой.

История XX века показала, что тоталитаризм вполне способен даже и без применения "сверх-бомб", без оружия, — запугиванием и прочими "мирными" средствами — овладеть планетой. После этого сопротивление будет подавлено, инакомыслие — истреблено в зародыше, человеческие "стада" приобретут необратимые качества. Речь должна идти теперь не только о судьбе России, Китая, Польши или Израиля, но о глобальной катастрофе. Только общечеловеческое единение — в деле преодоления тоталитаризма — может еще спасти мир. Разумеется, это не снимает "персональной" ответственности, — напротив, именно теперь тысячекратно возрастает ответственность каждого народа, каждого человека. От каждого персонально — зависит судьба мироздания.

Поэтому так дорог каждый человек, сохранивший живую душу после 65 лет насилия. Каждый единомышленник — достоин искренней любви, как реальный носитель надежды на всеобщее спасение, — вне зависимости от его индивидуальных особенностей. Этому учит — трагическая судьба России, сумевшей сохранить волю к сопротивлению. Польша — учит организованности, способности объединить волю миллионов, вновь и вновь поднимающихся на борьбу. Вера в победу — становится новой, высшей "религией" народа, дает ему бесстрашие, невиданное в истории человечества. Таковы и уроки, данные Израилем: с оружием в руках и "маленький" народ становится способным противостоять "всесильному" тоталитаризму. Когда люди осознают, что нет иного спасения, кроме тотальной мобилизации сил — тоталитаризм стинет. Это главный урок для всего мира: тотальная мобилизация духовных и физических сил — против тотальной опасности. XX век этим и отличается от всей предыдущей истории

* Как "в России"? России в 1981 г. нет! Есть только СССР, а там создать свободные университеты нельзя. Прим. ред.

человечества: отступать уже некуда. Каждый человек должен найти свою наиболее боеспособную позицию в общей расстановке сил. "Формализм" партийщины – губителен здесь, как и любой "изм".

Революционер Неизвестный у Чехова ("Рассказ неизвестного человека") после отказа от прежней идеологии – приходит к выводу: "... можно служить истине независимо от принадлежности к той или другой категории или партии". (8,397). Отказавшись от классовой ("расовой") ненависти, герой Чехова, как нынешний беженец из коммунистической идеологии, обрел способность увидеть Божий Мир: "Похоже было на то, как будто я только впервые стал замечать, что кроме задач, составляющих сущность моей жизни, есть еще необъятный внешний мир с его веками, бесконечностью и с миллиардами жизней в прошлом и настоящем. Я с любопытством, как мальчик, всматривался в лица, вслушивался в голоса." (8, 365).

Способность к возрождению – не зависит от "состава крови" и религии. Вот молодой татарин из Симбирской губернии (рассказ "В ссылке") мечтает разорвать безнадежность пожизненной ссылки на чужбине: "... заговорил о том, что не приведи Бог захворать на чужой стороне, умереть и быть зарытым в холодной ржавой земле (...) Лучше один день счастья, чем ничего." (8, 46). Чехов писал в главе "Беглецы на Сахалине", что "незасыпающее... сознание жизни" толкает человека к бегству на свободу: "... не хотите бежать он не может и не должен." (8, 450).

Пожизненная каторга напоминает тоталитарный режим, продолжающийся десятилетия, поэтому побег из атмосферы безнадежности – признак живой души. Правда, при Чехове с каторги бежали – в Россию, чужбиной был азиатский Сахалин. Но уже и тогда – Чехов рассматривал "добровольное", безвольное соглашение на пожизненное заключение – свидетельством омертвения души. Узник "Палаты № 6", приговоренный к пожизненному "лечению" в зловонной камере, бросает в лицо философирующему примиренца: "Нас держат здесь за решеткой, гноят, истязуют, но это прекрасно и разумно, потому что между этой палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы... Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь... Нет, сударь, это не философия, не мышление, не широта взгляда, а лень, факирство, сонная одурь." (8, 103).

Таким же "советским патриотом" стал и Семен Толковий, нашедший новую "религию" на пожизненной каторге: "... придет время, сам скажешь: дай Бог всякому такой жизни (...) довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог

всякому такой жизни. Ничего мне не надо..." (8, 43). Молодой татарин с возмущением выкрикивает: "... ты зверь, ты худо! ... ты дохлый..." Сегодня на это возразили бы, что иностранцу "чуждо все русское", что отсутствие "патриотизма" мешает ему осознать, что "Сибирь ведь тоже русская земля"... Чехову не было чуждо "все русское", его "татарин" говорит: "... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит ты не живой, а камень, глина!... и Бог тебя не любит..."

– А мне хорошо! – проговорил Семен засыпая. – Дай Бог всякому такой жизни." (8, 50).

Трагическая "привычность" к аномальному уюту сотен миллионов людей – самое страшное. Слишком позднее "прозрение" может оказаться безрезультатным, как это случилось в "Палате № 6": "... отчаяние вдруг овладело им, он ухватился обеими руками за решетку и изо всей силы потряс ее. Крепкая решетка не поддавалась..."

– А вы пофилософствуйте, – сказал насмешливо Иван Дмитрич." (8, 122).

Иногда трусливое соглашательство, выживание, "философствование" – результат... "общего гипноза" (10, 62) – Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!" ("Крыжовник", 10,64). Таков еще один урок Чеховских Университетов.

Чехов считает естественной – ненависть к палачам, мечту о святом возмездии: "Я с того света буду являться сюда тенью и пугать этих гадин. Я их поседеть заставлю". (8,121, "Палата № 6") – О, Господи, неужели же в самом деле на том свете нет ада и эти негодяи будут прощены? ... Он вскочил, хотел крикнуть изо всех сил и бежать скорее, чтоб убить Никиту, потом Хоботова..." (8, 124–125). Но главное – вовремя преодолеть страх и ложь: "... условия жизни и воспитание заключили меня в тесный круг лжи, (...) я не понимаю, для чего и кому все это нужно" (8,131, "Страх"). "Видеть и слышать, как лгут ... и тебя же называют дураком за то, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куса хлеба, из-за ... чинишка, которому грош цена, – нет, больше жить так невозможно!" (10, 54).

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

БЕСЕДА О СМИРЕНИИ

Слово смирение очень часто употребляется, когда речь идет о религиозной жизни, в частности, о христианстве. Встречается оно и в религиозной, и в антирелигиозной литературе; используется часто оно в богословских, святоотеческих трудах, а также и в научной литературе. И хотя его нередко употребляют, но далеко не всегда слышащие данное слово достаточно отдают себе отчет в том, о чем, собственно говоря, идет речь, а иногда и просто неправильно понимают его. Многие люди, говоря о данном понятии и даже используя его, недостаточно отчетливо понимают его довольно сложное содержание и все то, что связано с ним.

Особенно часто говорят о смирении и подвергают его жестоким нападкам и насмешкам представители современного атеизма. По их мнению, христианство, проповедуя смирение, невероятно принижает человеческую личность, ибо оно находится в полном противоречии с чувством собственного достоинства. Смирение, говорят они, уничтожает чувство собственного достоинства человека, лишает его веры в себя, разлагающе действует на формирование человеческой личности, духовно и психологически расслабляет человека. Проповедь смирения лишает человека жизненной активности, оно является рассадником рабской психологии и угодничества, подавляет всякую инициативу человеческой личности и даже обедняет ее. Помимо этого предьявляется еще ряд и других, более мелких обвинений, на которых едва ли было бы целесообразно останавливать внимание.

Остановимся подробнее на самом чувстве смирения и одновременно попытаемся выяснить, насколько справедливы и обоснованы те отрицательные высказывания об этом чувстве, о которых мы говорили выше.

Прекрасный и в полном смысле слова исчерпывающий пример смирения дает нам Евангелия от Матфея в повествовании об исцелении слуги римского сотника. Как рассказывает евангелист, в одно из посещений Иисусом города Капернаума к нему подошел офицер римских оккупационных войск, или, как он назван в Евангелии, — сотник, и сказал:

— Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает...

На что Спаситель ответил:

— Я приду и исцелю Его.

Услышав это обещание Иисуса — придти и исцелить — сотник неожиданно для присутствовавших, реагировал на Его слова совершенно необычно. Вместо того, чтобы обрадоваться и высказать слова благодарности, сотник вдруг

сказал: — Господи! я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой. И сказал Иисус сотнику: иди и как ты веровал, да будет тебе... — (Матф. VIII, 6—8, 13).

Такова сущность приведенного евангельского повествования. Слуга сотника оказался исцеленным. Но главное заключается не только в этом факте. Главное — это также отношение сотника к Иисусу. Сотник верит в Высшее Совершенное Начало, которое для него сосредотачивается в данном случае в Спасителе. Одновременно, нисколько не унижая своего человеческого достоинства, сотник признает, что это Начало неизмеримо более совершенно, чем он сам. Происходит процесс осознания себя в соотношении с этим Высшим Началом. Другими словами, сравнивая себя со Спасителем, сотник признает свое несовершенство по сравнению с Ним. Отсюда и проистекает искреннее настроение римского офицера, нашедшее выражение в его словах о том, что не достоин он, чтобы Господь вошел в его дом. Вот здесь-то и начинается то, что мы и называем смирением.

Признание, с одной стороны, Высшего Начала — Бога, а с другой стороны — своего несовершенства и является основой и исходным моментом того чувства, которое и называется смирением. Смирение — что ясное осознание своего несовершенства перед лицом Божиим, и, результат самокритического анализа в лучах Невечернего Света, озаряющего всю вселенную.

Человек может всю свою жизнь сохранять чувство своего человеческого достоинства, он может быть полноценной творческой личностью, он может быть в жизни предельно активным, он может даже иметь объективное представление о своих силах и возможностях и целесообразно использовать их, но, одновременно, он также должен отчетливо понимать и осознавать свое несовершенство перед лицом Божиим, т.е. быть смиренным. Смирение, вопреки мнению современных атеистов, нисколько не мешает ему быть во всех отношениях полноценной личностью. Думать о смирении как о чем-то превращающем человека в нечто малоценное и приниженное — значит не понимать того, что такое смирение в действительности.

Но, признавая свое несовершенство перед лицом Творца и Создателя миров, человек одновременно и естественно подрывает в себе чувство, называемое необоснованной гордостью. Ибо гордость, или гордыня, является

результатом преувеличенного мнения о себе, своих мнимых и действительных достоинств, не откорректированных мыслями о Боге. Понимание же того факта, что все человеческое совершенство является относительным, ограниченным и даже, может быть, ничтожным перед совершенством Бога, заменяет свойственное, в той или иной мере, почти всем людям, чувство гордости иным чувством, называемым скромностью.

Таким образом, подлинное, трезвое, искреннее смирение уничтожает ложную, духовно разлагающую человека гордыню и порождает скромность, являющуюся качеством, украшающим человека, а отнюдь не принижающим его. Скромность, как правило, является свойством человека, свидетельствующим о его несомненной внутренней силе, о его собранности и внутренней подтянутости. Скромность — естественный спутник смирения, ибо как можно быть нескромным, когда знаешь о крайней относительности своих совершенств и достоинств?

Но подлинное смирение оказывает на человека еще и другое влияние. У него изменяется отношение ко всем людям, с которыми он сталкивается в жизни. Изменение его отношения к другим людям совершенно понятно, если проанализировать процесс психологического перерождения, приносимого чувством смирения. Ведь, в самом деле, если совершенства человеческой личности являются весьма относительными и человек осознает ясно свое недостоинство перед Богом, то имеются ли у него основания относиться к другим людям критически-недружелюбно? Ведь кто знает степень духовного совершенства или несовершенства других людей перед Богом? Быть может, другие люди, внутреннюю жизнь которых мы недостаточно хорошо знаем, гораздо совершеннее нас, и их жизнь угоднее Богу, чем, например, наша.

Вдумываясь в отношения каждого человека к Богу, мы начинаем приходить к переоценке людей с данной точки зрения. Каждый человек для нас начинает представляться в ином свете, ибо мы не знаем степени его духовного совершенства и, следовательно, его угодность Богу. Не совершеннее ли он нас? Знаем ли мы, насколько он угоден Богу? А если не знаем или только предполагаем, то не обязаны ли мы соблюдать предельную осторожность в смысле своего суждения и отношения к нему?

Смирение, таким образом, ведет нас по пути пересмотра и переоценки нашего отношения к людям. Мы начинаем значительно благожелательнее относиться к ним, начинаем интересоваться ими, не замыкаясь в узкие пределы своего эгоистического я. Личность другого человека при подобном подходе вырисовывается

нам в совершенно ином свете. Благожелательно интересуясь другими людьми, мы стремимся оказывать им помощь, если они в этом нуждаются, относясь к ним с уравновешенным участливым спокойствием и пониманием, но без всякого угодничества.

Смирение является источником благожелательного уважения к другим людям. Мы не преклоняемся перед ними, как думают люди, ложно понимающие чувство смирения, но наше недостоинство перед Богом ставит преграду всякой попытке превозношения перед другими людьми. Ибо, как можно, будучи самому несовершенным, превозноситься перед другими и думать, что иные люди хуже тебя самого?

Осознание своего несовершенства, греховности, немощи, недостоинства перед лицом Божиим естественно заставляет нас стремиться улучшить свое внутреннее духовное состояние, и в осуществлении данного стремления мы вступаем во взаимоотношения с другими людьми с совершенно иными настроениями, ведем их на основе взаимной уступчивости, благожелательности, уважения и любви.

Такова краткая характеристика того чувства смирения, указания о котором мы находим в церковной литературе. Как мы видим, оно ничего не имеет общего с его вульгарным пониманием, когда подлинное смирение по недоразумению заменяется бесцельным самоуничтожением. Настоящее смирение, о котором мы сегодня говорим, является одной из вершин духовного развития человека, лишь укрепляющего подлинно человеческие чувства и возводящего человека на совершенно иной духовный уровень.

В заключение мы должны будем также подчеркнуть и следующее. Смирение не ставит никаких особых преград для борьбы с явным злом. Если мы видим совершающуюся явную неправду, несправедливые поступки и дела, если мы видим поступки людей, наносящие явный духовный и физический вред нашим ближним, если мы видим, что наша вера в Бога подвергается гонению, уничтожается имя Божие, насаждается безбожие, то чувство нашего смирения пред Богом не может помешать нам выступить в той или иной форме для борьбы со злом. Но зато смирение и выросшие на нем духовные плоды создадут совершенно иное, праведное отношение к подобной борьбе и не дадут внести в нее собственное зло и потерю образа Божия. А это так часто случается с людьми, вступающими в борьбу со злом духовно неподготовленными.

Смирение, основанное на вере в Бога, является основой духовного возрастания человека. Смирение — величайшее достижение человеческого духа, а не его духовная деградация, как об этом пишут современные советские атеисты.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

“Континент” № 27 и 28. Журнал твердо взял равнение на коммунизм (с оттенком умеренного фрондирования)! Судить не будем; просто предупредим читателей, а уж те пусть — кому то нравится. Нам подобная линия без надобности; коммунизм, с каким бы то ни было лицом, нам не потребен; и, мы так полагаем, русскому народу тоже (да и какому народу вообще он нужен?). В подтверждение же наших слов укажем, что почетное место на страницах “Континента” занимают теперь М.Михайлов, М. Джилас и Б.Суварин. Из них, первый яростно атакует Солженицына (что здесь же довольно дельно опровергает М.Геллер); второй восхваляет некоего И.Баровича, покойного уже югославского адвоката, своего соратника по внутривластной коммунистической оппозиции; третий ставит нам в образец оказавшегося под конец жизни в опале заслуженного большевика Х.Раковского и прокоммунистического романиста П.Истрати, писавшего по-французски румына, хорошо знакомого русской публике по переводам. Да не хотим мы вовсе итти за т а к и м и героями!

О литературном материале в обоих номерах скажем, по чистой совести, что они сплошь, проза и стихи, ниже посредственности; для удовольствия их читать — никому не посоветуем. Даже поэты не лишены таланта, как В.Иверни, тут слабы. Не знаем, виноват ли перевод Н.Горбаневской, но и стихи Ч.Милоша столь серы, что изумляешься, за что он получил нобелевскую премию. К.Померанцев о себе деловито сообщает:

Я так мелко, так скучно старею —
Стал придирчив, болтлив и сварлив.

Верим, согласны; только кому это интересно? Что же до его намерения *махнуть в Тананарив*, не возражаем нисколько (хотя по-русски-то бы надо сказать: *в Тананариву*). Стихи Ю. Герфа, мягко выражаясь, назовем залихватскими; а стоило бы — и хулиганскими:

Причем тут, собственно, Дантес
и заговор, и свинство.
Не тот, так стало быть Данзас
или дантист из Двинска.

Только у А.Сорокина попадают — изредка — удачные строфы; приведем одну:

Ты помнишь — мост, поставленный над черной,
Неторопливо плещущей водой,
Колокола над шапкой золотой
И стойкий очерк башни угловой.

Рассказики Ю.Милославского, А.Львова, В.Рыбакова, М.Зайчика, Л.Меламида, Е.Козловского, В.Сорокина, И.Близнецовой, Э.Неизвестного и В.Филандрова — единообразно плохи.

В сфере статей уже нам известный американец С.Гейтер горюет, что в испанской гражданской войне не победили коммунисты; да уж поздно жалеть-то... В.Каган пытается снять с В.Короленко и либеральной интеллигенции вину в русской революции; неосновательно, хотя, конечно, у Короленко и у многих других были самые благие намерения. О беспомощном очерке С.Женука “Империализм и нацизм” всерьез толковать нет смысла (у него, впрочем, тоже благие намерения...). Притом же, он больше всего занят негритянской проблемой в США, нас не касающейся; а об одной что скажешь? Что посеешь, то и пожнешь... Очень хорош литературный этюд М.Шнеерсон в защиту, от нападения А.Мальцева, легально пишущих в СССР, но антисоветских по духу писателей, в частности д е р е в е н щ и к о в, как Шукшин, Белов, Абрамов, Распутин и др.

Чрезвычайно ценен по фактическому материалу большой биографический очерк М.Хейфеца о В.Осипове. Не следует, однако, упускать из виду, что он составлен отнюдь не единомышленником; и потому должен читаться *cum grano salis*. Осипова Хейфец бранить избегает; наоборот, из его рассказа встают весьма обаятельные черты этого замечательного человека; включая добродушную (и, по сути дела, разумную) готовность прощать личные обиды: не говоря уже о мужественности и самоотверженности. Что он в какой-то момент верил в коммунизм, состоял в комсомоле, — мы ему в вину никак ставить не станем. Зато Хейфец старательно подмарывает репутацию покойного Ю.Машкова и живого (в СССР) А.Скуратова, ссылаясь на всякие их будто бы признания на следствиях и т.п. Возьмем себе в правило подобным инсинуациям не доверять: тут всегда возможны недоразумения и умышленная чекистская провокация; да и в случаях действительных признаний надлежит считаться с обманом, растерянностью, испугом, неспособностью вынести мучения; и потому иметь снисхождение. Когда же Хейфец раскрывает с в о и взгляды, — он раздражается враждебной обвинительной речью против Российской Империи, которая, по его мнению, должна быть уничтожена. Здесь он нам с важным видом подкидывает пустые, мелкие проблемы: русские де обязаны подавлять другие народы или ассимилироваться, и тогда сами с ними смешаться. А мы никого не хотим давать и ассимилировать (особенно уж силой!), смешения же ничуть не боимся; к тому же уже шло и до революции. Хейфец верно (со злостью!) отмечает, что лучший-то цемент и залог имперско-

го единства, это — когда разные народы верны одной династии. Е м у это неприемлемо; что ж, о вкусах не спорят...

Вестник Р.Х.Д. № 138. В номере налицо два интересных у з л а, два отдела: о Н.Мандельштам и о Достоевском. В первом даны фотография Н.Мандельштам в молодости и 2 письма к ней профессора Любищева (обстоятельный портрет которого можно найти у подсоветского писателя Д.Гранина). Смутный осадок остается от статьи Н.Кривошеиной, вернувшейся в Советский Союз и хлебнувшей там горя совпatriотки, чье прошлое не вызывает сочувствия. Приведем отрывок из заметки Н.Н. о похоронах Н.Мандельштам: "Аристократия духа собралась почтить автора самой замечательной книги о нашей жизни".

Второму можно бы дать подзаголовок: "Поляки о Достоевском". Правда, фигурируют в нем и двое русских: Ю. Иваск (кокетничавший своей образованностью и своими изысканными чувствованиями, мало относившимися к Федору Михайловичу) и К.Неклюев (говорящий по поводу великого писателя общие фразы; впрочем, довольно верные). На более высоком уровне сделан этюд Р.Пшибильского о воззрениях Раскольникова, и на еще высшем — лекция Ч.Милоша, содержащая ряд значительных и глубоких мыслей. Остановимся на двух затронутых им вопросах. Милоша смущают слова Достоевского, что если надо выбирать между Истиной и Христом, он выбирает Христа. А ведь какое в них заключено гениальное провидение будущего, вдохновенное живую любовь к России! Когда навалился на Русь большевизм, что мог противопоставить крестьянин, рабфаковец, рядовой интеллигент подносимой ему опертой якобы на авторитет мировой науки Истине? Лишь любовь ко Христу давала силу прозреть в одной ложь и ее отвергнуть! Антипатия же Достоевского к полякам (тоже сбивающая с толку Милоша) связана с отрицанием западной культуры, принятой поляками, по крови и духу близкими, в остальном, с русскими; и один из аспектов данной культуры Федор Михайлович видел в превозношении аристократии и интеллигенции над народом. Тут, а не в национальной какой-либо враждебности, следует искать корни антипольских его высказываний.

Окончание длинного исследования А. Безансона о сегодняшнем кризисе католической Церкви, неожиданным образом, гораздо сильнее и убедительнее, чем предшествовавшие части.

Исключительно увлекателен рассказ Е. Деминой о посещении нитрийского коптского монастыря в египетской пустыне, завершающийся фразой: "Я ехала в Нитрию с желанием прикоснуться к ее прошлому, но ее настоящее

оказалось не менее притягательным как живое воплощение прошлого". При чтении вспоминается невольно пушкинская мечта:

Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

"Новое Русское Слово". В очерке И. Грэм "Вампир — граф Дракула" премного вздора и о романе Брэма Стокера, и о Румынии. Валахский воевода XV в. (прототип графа Дракулы) носил кличку не *Tenes*, а *Ceneș*, т.е. "Сажалель на кол", от слов *cep* или *цяпе* "кол". Слова *драка* по-румынски не существует; есть *драк* "дьявол". Кто ждет от русской журналистки среднего ранга в Америке осведомленности в румынских языке и истории; да зачем же она — и с каким ведь апломбом! — нас про эти материи берется наставлять и поучать?! В фольклоре она тоже слаба. "Опознать вампира" не "почти невозможно", а вовсе просто: у него нет ни тени, ни отражения в зеркале, и он не переносит солнечного света. Пугает нас и ее намерение опубликовать статью о талантливом английском писателе в фантастическом жанре, которого она называет *Мэкэн*. Валлиец Артур Махен Джонс (1863—1947) на литературном поприще принял девичье имя своей матери, родом шотландки. О произношении этой кельтской фамилии рекомендуем г-же Грэм заглянуть в справочник Б. Коттля ("The Penguin Dictionary of Surnames", 1967, p. 175).

Вопреки предположениям А.Кленова в статье "Китай—город", русское слово *чай* не имеет ничего общего с английским *China*.

Н. Ломтева с жаром, достойным лучшего приложения, защищает память свирепого, кровожадного тирана Генриха Тюдора, указывая, что он отрубил головы т о л ь к о (!) двум женам и ошибочно приписывая ему присоединение Шотландии (состоявшееся при Иакове I). Не ведаем, кем это "Генрих VIII считается одним из лучших королей Англии"? Ни у какого историка мы пока такого — осторожно сказать, тенденциозного и пристрастного, — мнения никогда не встречали.

А. Бахрах кощунственно применяет к личности Гумилева выдернутую из его раннего стихотворения строчку о некоем х у д о ж н и к е:

Грешник, развратник, безбожник.

Он был горячо верующим православным и г р е ш н и к о м разве что поскольку все люди грешны; развратником же (да еще на фоне его времени) его способен назвать лишь бездушный пуританин и ригорист. Сам он, человек долга, видел себя как р ы ц а р я, в о и н а и м а с т е р а (т.е. труженика). Но пигмей, глядящий на титана, не в состоянии созерцать его во весь рост... Соответственно, Бахрах соорудил себе концепцию, по коей главным в жизни Гумилева была... любовь к Ахматовой! Сей миф, выкованный самой Анной Андреев-

ной в ее закатные годы, давно разоблачен прощательной Н.Мандельштам. О том же, сколько горя и разочарования принес Гумилеву его первый брак, правдиво повествует И.Одоевцева ("На берегах Невы"). И уж, во всяком случае, был он поэт несравненно более крупный, чем Ахматова.

Очевидно, под влиянием 3-ей волны, газета все больше калечит русский язык, позволяя себе чудовищные формы, вроде следующих: "он учился в *Осака*" (вм. *в Осаке*); "профессора Витторио *Страда*" (вм. *Страды*) и даже "статья *Кваша*" (вм. *Кваши*), не умея даже от чисто славянского прозвища, сделавшегося родовым, образовать родительный падеж.

Путевые наброски о Франции знатных американцев поражают невежеством: Р.Днепров нашел в Париже вокзал *Гар Сэн Назар* (мы знаем только *Сен Лазар*) и ухитрился посетить исторический зал *Жэ де Помм*; двойное *м* все-таки откуда же взялось? Там не перебрасывались *яблоками* (pommes), а играли в мяч, первоначально ладошкой (рауме).

Приятный сюрприз — переведенный с японского живой и оригинальный детективный рассказ Сеите Мацумото, в отличие от переводов с английского (всегда ужасных в "Новом Русском Слове"), выполненный вполне складным русским слогом.

"Русская Жизнь". Г. Моисеев делится с нами впечатлениями от поездки в Грецию; *Пирей* у него *Пиреус*; *Патрас* у него *Патра*, и даже *Аравия* превращается в *Арабию*! Страшно его изумило на месте сообщение, что православное духовенство принимало активное участие в борьбе с турками за освобождение; но кто же про это не знает (и не в одной Греции, а всюду на Балканах)?

В обширной статье, которую он почему-то именует *резюме*, Н. Онуфриев излагает крайне сомнительные соображения. Голод он объясняет перенаселением Земли. Но... Япония населена гуще Индии, а не голодает; голод, как стихийное бедствие, периодически возникал в Китае, Индии, даже России, века и века назад, когда людей было вовсе мало. Рост преступлений в США он объясняет вредным влиянием детективных фильмов. Но... фильмы о сыщиках и преступниках есть с тех пор, как есть кино; а раньше были романы и рассказы, а до того — баллады, песни и легенды (о Робин Гуде, Кудеяре, Разине). Беда не в фильмах, а в общем падении нравственности и в утрате обществом моральных устоев. Искусство служит зеркалом этого упадка.

Развивая дальше идеи Онуфриева, Ю. Мейер объявляет коммунизм идеальным строем, ибо он больше всего истребляет людей, и тем мешает перенаселению земного шара; а то: "На Земле людей слишком много". В силу чего он также пропагандирует максимальное распро-

странение аборт. На наш взгляд — это есть прямой сатанизм. Газета оговаривает, что мол тут личное мнение автора. Все же — как можно т а к о е печатать?! Понятна полемика того же Мейера с Ю.Сцепуржинским, возражавшим против "подготовки Пентагона к полному уничтожению русских и их страны в случае возникновения 3-ей мировой войны". Полностью примыкает к Сцепуржинскому в его призыве к американцам: "покончить с русофобией и постараться приобрести к себе доверие русских, своих самых мощных потенциальных союзников в борьбе с коммунизмом". Только, вряд ли его послушают...

"Часовой" № 630 и 631 (и 628). Заметка М.Залевского "Помни о Вавилоне", завершается поистине ужасающим параграфом: "Маркус Тулиус Цицерон, римский консул, постоянно твердил в своих выступлениях: "Карфаген должен быть разрушен", мы же скромно с тоской взываем "Помни о Вавилоне"! Прочитав подобное, даже принципиально благодушный и снисходительный к языковым погрешностям (тем более, в транскрипции иностранных имен) М. Сергеев, в "Русской Мысли", насмешливо констатировал: "Тоска, конечно, не оправдывает его "эрудиции", но отчасти ее извиняет". Не только Залевский Цицерону приписал слова Катона, но и не понимает, что по-русски полагается писать и говорить *Марк Туллий*, а не *Маркус Тулиус (!)*. Про какой он Вавилон вздыхает, Бог весть (эпохи столпотворения, пожалуй?); а русскую грамматику или забыл или, скорее, не выучил. Редакция-то, однако, ну как же, спрашивается, такую галиматью могла пропустить?!

Г. Моисеев (toujours lui!) ссылается на "Солоуховскую Мать-Мачеху". Поелику автор романа "Мать-мачеха" — Солоухин, а не *Солоух* и не *Солоухов* подобало бы сказать *солоухинскую*.

В связи с протестом В. Ингула, процитирую пространнее его "Наши расхождения": "Естественно, что родившаяся в эпоху в о с т а н и я м а с с сов. молодежь, те же диссиденты, не могли иметь иного идеала, чем тот, что устанавливали идеологи масс, личность капитулировала на всех фронтах перед гегемоном века — пролетариатом, основным "кредо" которого было и есть построение на строго разумных научных основаниях бесклассового общества... Будущее никогда не завораживало сознание наше так, как это случилось с послеоктябрьским поколением — просто потому, что мы были свидетелями двух различных эпох".

Большинство нашей, 2-ой эмиграции безусловно принадлежит именно к п о с л е о к т я б р ь с к о м у поколению. В том числе и я и (надеюсь, не совершаю нескромности!) В.А.Пирожкова, родившиеся после революции, да и другие сотрудники (а если кто и родился

за 5, даже 10 лет до Октября, все равно его сознательная жизнь началась при большевиках). Если В.Ингул думал *только* о 3-ей волне, мне с ним спорить не о чем; жаль, что он не уточнил. О настроениях же нашего поколения он и сам упоминает: о красноармейцах, не желавших драться; о населении, встречавшем немцев хлебом-солью.

”Грани” №120. Рассказ Б.Рохлина ”Танька”, поэма В.Сосноры ”Семеро” и очерк Л.Тимофеева ”Типология черного рынка” можно охарактеризовать одинаково: образ тягостного кошмара, из коего выхода не предполагается и не предполагается. Дадим слово авторам: ”Это – разговор об унижении, о развращении рабочего человека” – объясняет Тимофеев (и мог бы по праву сказать Рохлин).

Если скажут, что мерзость и ложь
эта сказка – ну что с них возьмешь!

комментирует Соснора. Ложь, пожалуй, нет; но мерзость – несомненно.

Исследование Д. Штурман ”В поисках упорядоченности” – умное и серьезное; но ”конкурентно-рыночная демократия” нам что-то мало аппетитна, хотя автор к ней, видимо, и относится положительно.

Т.Горичева безапелляционно возвещает:

Р. С. В прошлом ”Обзоре” ошибочно поставлено **расконский** вм. **басконский** и **по-французски** вм. **по-немецки**. Г-н Мартинез, конечно, француз (вероятно, испанского происхождения?); но мнения его о России и русских сродни гитлеровским.

В. ПИРОЖКОВА

ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР СВОБОДЫ

Роман Гуль. ”Я унес Россию. Апология эмиграции”. Т. I. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1981 г. 365 стр.

Апология эмиграции сейчас очень своевременна. Все больше голосов раздается против эмиграции. Оставим в стороне статью Вадима Борисова в сборнике ”Из-под глыб”, в которой он утверждал, что уход в эмиграцию является уходом от Бога. Поход А. Солженицына и И. Шафаревича против того, чтобы в наше время русские эмигрировали из СССР, – если у них представится для того случай, – как будто бы потерял силу и напористость. После ответа, который дал покойный В. Вейдле И. Шафаревичу, никто больше не говорит, что русские не должны, даже если они могут, покинуть страну ”победившего социализма”. Вспоминается мне, как на своей первой пресс-конференции 16 ноября 1974 г. в Цюрихе А. Солженицын два раза не ответил мне на мой вопрос, как он относится к первой и второй эмиграции. Вероятно, он тогда еще не определил своего отношения к этим двум эмиграциям. Потом он сказал, что первая эмиграция уходила из-под пули, а вторая из-под петли.

”Петербургская, ленинградская поэзия 70-ых гг. XX века: Е.Шварц, В.Кривулин, Д.Бобышев, И.Бурихин, С.Стратановский”... Увы! из них всех, по нашему разумению, у одного только у Стратановского заметна хоть искра таланта...

”Русская Мысль”. Ю.Иваск отдает приказ: впредь писать не *Сафо*, а *Санфо*! 300 лет вся Россия писала через *ф*, даже на папиросных коробках, а в курсах истории и литературы (которые тоже не извозчики составляли) тем паче; но что поделаешь! Ю. Иваск, всем известно, – кладезь премудрости; он даже и по-испански умеет, хотя и не совсем твердо (путает мужской род с женским).

А. Бахрах, в очерке о П.Б.Струве мимоходом весьма противно отзываясь о Пушкине, приписывая ему многообразные грехи и падения. Да ведь о ком Бахрах отзывался лестно (особенно, когда речь идет о больших людях)!

По поводу статьи теперешнего редактора, И. Иловойской, ”Надо ли стыдиться быть русским?”, ответим за себя: мы не стыдимся; наоборот, гордимся. Но стыдно, что русская газета осмеливается задавать подобный вопрос!

Этими словами на первый взгляд обе эмиграции оправданы. Но это только на первый взгляд. Без дополнения это высказывание создает впечатление, что мы уходили только, чтобы спасти свою физическую жизнь. Для какой-то части эмиграции это верно, но мы, другие, уходили прежде всего, спасая нашу свободу. Мы спасали не столь нашу физическую жизнь, – ею мы готовы были в любой момент рискнуть, – мы спасали нашу *духовную жизнь*.

После обольшевичения России, Р. Гуль почувствовал, что он должен уйти. ”Я чувствовал всей душой, что в такой России у меня места нет”. (стр. 34). Дальше, указывая на пренебрежительное отношение А. Ахматовой к эмиграции, Р. Гуль пишет: ”Посему Ахматова и не эмигрировала, хотела быть ”с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был”. Скажу в скобках, я такого ”физиологического нардолюбия” с ущемлением моей личной свободы никогда не разделял и не разделяю. Если твой народ подпал под власть ”разбойничьей шайки”, почему же и тебе под нее надо лезть? Под эту ”разбойничью шайку”? Я стал эмигрантом

без моего волеизъявления. Выслала Украинская Директория под немецко-украинским конвоем. Но когда переехал границу всей этой всероссийской мерзости, называющейся "революцией", я вздохнул с истинным чувством облегчения. Слава Тебе, Боже!" (стр. 184).

Многие годы в эмиграции меня мучил один и тот же кошмарный сон: мне снилось, что я снова нахожусь в СССР. Но при этом я не только не арестована, но мне нечего и бояться ареста, — во всяком случае мне не надо его бояться больше, чем любому советскому гражданину или гражданке. В моем сне каким-то чудесным образом были затушеваны годы моей эмиграции и антикоммунистической деятельности. Я была совершенно уверена, что никто об этом не знает и никогда не узнает. На этот счет у меня во сне не было никакого беспокойства. Я могла вести нормальную жизнь нормальной советской гражданки. И вот тут-то и начинался ужас. Меня охватывала такая тоска, что мне безумно начинало хотеться ареста, тюрьмы, концлагеря, физических страданий, только бы избавиться от этой бездуховной с подавленной свободой "нормальной" советской жизни. Просыпалась я вся в поту и облегченно вздыхала: я нахожусь в свободной Германии.

Р. Гуль сначала тоже ушел в свободную Германию. Но когда в этой стране свобода была подавлена другим тоталитаризмом, он ушел и из этой страны, которой посвящена первая часть его воспоминаний. "3 января 1919 года Господь Бог унес меня от ленинского тоталитаризма в свободную Германию. А 3-го сентября 1933 года — от гитлеровского — в свободную Францию". (стр. 361)

Определяющим всегда была не национальность, а *свобода*. Оставаясь на свободном Западе, Р. Гуль не теряет веры в него и в свободу человека, которая, несмотря на все недостатки Запада, в этой части света гарантирована. Он вспоминает о том, как много "насмешливых" людей хоронили эту свободу во время, как казалось, триумфального марша Гитлера. "И все же? И все же — шаткая западная свобода устояла. Духовно победила Гитлера колыбель европейской свободы — Великобритания. Тогда она одна, почти безоружная, выстояла. А не выстояла б — вся Европа оказалась бы во власти гитлеровщины, которой в те годы усердно помогала и сталинщина. Поэтому и при теперешнем явном разложении Запада все-таки еще рано петь ему отходную и перестать любить свободу человека." (стр. 167).

Этой внутренней свободой дышит от всей книги Р. Гуля. В ней проявляется внутренне свободная личность, не связанная никакой идеологией, как бы она ни называлась, — социализм, солидаризм, национализм, непротивленчество, легализм и пр. и пр. Нигде Р. Гуль

не подгоняет ни своих решений в жизни, ни своих высказываний, ни своих толкований современных или исторических событий под какую-либо идеологию. Каждое решение принималось не по идеологической указке, а из самого существа его личности и из учета конкретной обстановки. Живой внутренне свободный человек ищет свой путь на страшных и запутанных путях нашего столетия, ошибается, сам исправляет свои ошибки, свободно о них повествует в книге своих воспоминаний и снова находит правильный путь, руководствуясь светочем маяка свободы и достоинства личности.

Как раз в этом и заключается одно из главных достоинств книги Р. Гуля. В ней нет ничего надуманного, ничего подогнанного под тот или иной предвзятый взгляд. Потому и о своих ошибках Р. Гуль может говорить свободно, без судорожных стараний оправдания, но и без натянутого самобичевания. Главной своей ошибкой он сам считает свою, хотя и косвенную, не политическую, а литературную причастность к сменевеховству.

Ретроспективно оглядываясь на прошлое, мы бы объективно оценили как ошибку и уход из Белой армии. Субъективно и в тот момент истории мы это решение Р. Гуля понять можем. Многие в Белой армии трудно было оправдать, много было наделано ошибок, что и привело к поражению. Однако, все же есть "но"... В книге И. Солоневича "Россия в концлагере" есть потрясающий рассказ о девочке со льдом. Во время коллективизации крестьянская девочка "с воли" пробралась к лагерной помойке. Была зима. Жалкие отбросы заледенели, и вот эта девятилетняя девочка схватила огромный ком льда с вмерзшими в него отбросами и, распахнув свои лохмотья, прижала этот лед к своему истощенному телу, надеясь остатками тепла своего тела растопить эту глыбу льда и съесть отбросы. И. Солоневич, заключенный, увидев эту картину, сначала даже не понял, что делает этот ребенок, а когда он понял, ему стало мучительно стыдно, что они, взрослые мужчины, в гражданскую войну не додрались до конца, а теперь за это отвечают дети.

Никогда, к счастью, не испытал подобного голода, я все же вряд ли могу преодолеть восприятие моего поколения, поколения этой девочки со льдом. Уже родившись в клетке, всю свою молодость в страшное подсталинское время я не уставала в душе задавать горький вопрос: почему старшее поколения не додралось?

Здесь возникает сложный переплет субъективного и объективного. С объективной точки зрения при взгляде назад следует сказать, что надо было додраться. Никакие ужасы и жестокости гражданской войны не достигают

того, что было потом, в "мирное советское время". Субъективно же, с точки зрения тогдашних участников гражданской войны, это не могло быть так ясно. И те, которые дрались до конца, дрались далеко не всегда, прозревая будущие ужасы, а потому ставили нередко в центр своего внимания не защиту родившихся и еще неродившихся детей от их страшной судьбы, а разные другие ценности, возможно, более или менее положительные, но такие, от которых многие могли бы и отказаться.

Поэтому отход молодого человека в то время объективно не может быть ему поставлен в упрек: он не мог предвидеть того, что будет. Но с субъективной точки зрения моего поколения упрек остается. Его просто не вычеркнешь из всей суммы бывшего и, к несчастью всего мира, сбывшегося.

Не только такие молодые, каким был тогда Р. Гуль, гораздо более старшие не видели, не понимали, не предвидели. Не видели и попал уже в эмиграцию.

Октябрьскую революцию долго измеряли "французским термометром", как пишет Р. Гуль. "Ничего не поделаешь: русская антибольшевицкая общественность долго ошибалась "термометром"... Большевицкий тоталитаризм давно переброшен за границы СССР: Китай, Камбоджа, Вьетнам, Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, Албания, Абиссиния, Куба, некоторые арабские и африканские страны. Уже больше полмира захвачено лапами Ленина. Мы давно вступили в новую эпоху бесчеловечья. Всего этого русская политическая эмиграция 20-х гг., конечно, не предвидела, не могла предвидеть, относя всяческие зверства к "экссессам революции" — к гильотине на Гревской площади. Но ведь пришел же — после гильотины — Термидор? Пришел Наполеон? Пришла даже реставрация Бурбонов? "Французский термометр" жестоко подвел русскую политическую эмиграцию..." (стр. 166—167).

Измеряли "французским термометром", потому что не изучали по-настоящему марксизма. Не поняли, что он в себе заключает, не поняли его настоящих корней, а потому и не смогли предвидеть, какие он даст плоды.

Но если эмиграции 20-х гг. можно простить ее непонимание сущности марксизма, то что сказать о том же феномене в среде самой новейшей эмиграции, так называемой третьей волны? Слишком многие из них распространяют утешительные утверждения, что никто, даже и сам Брежнев, не верит в марксизм. И даже не задают себе вопроса, отчего же тогда коммунизм разливается по миру точно согласно рецепту марксизма? Они не задумываются, как объяснить то, что в марксизм снова верит

все большее число молодых людей в индустриальных странах. Впрочем, есть авторы, как например, во многих вопросах вполне правильно мыслящий М. Михайлов, которые просто закрывают глаза на проблему, чтобы не быть поставленным перед необходимостью ее объяснить. М. Михайлов заявил, что в коммунизм верят только голодные массы латиноамериканских стран ("Возвращение Великого Инквизитора", Континент № 28). Пожил бы он в Западной Германии...

Даже через 64 года господства марксизма на территории бывшей Российской Империи и 36-летнего господства его же в Восточноевропейских странах все еще марксизм понимается как некая идеалистическая доктрина, озабоченная осчастливлением человека! Конечно, в такой марксизм не верят ни Брежнев, ни его сподручные. Но это — не настоящий марксизм. Настоящий марксизм Мао назвал "наукой о том, как побеждать". Настоящий марксизм, настоящий коммунизм — это руководство к неограниченной власти. И смешно даже говорить, что советское руководство в этот настоящий марксизм не верит и им в своих действиях не руководствуется. Он же имеет огромную притягательную силу для многих молодых западных интеллектуалов. Власть fasciniрует. Но многие, многие в русской эмиграции этого, увы, и до сих пор не поняли. А это уж непростительно.

И вот уже скоро после окончания гражданской войны начались искушения и провокации со стороны коммунистов, началось то явление, которое Р. Гуль называет "иллюзии примирения". Так названа одна глава его книги (стр. 165). Каких только вариаций этих иллюзий не было! Евразийство, сменовеховство, возвращенчество. П. Милюков, удержавшийся от искушений в 20-х гг., подпал под их чары под конец своей жизни, в период второй мировой войны.

К сожалению, иллюзии примирения, иллюзия перерождения — это не только прошлое, не только история эмиграции. В наше время, впервые после второй мировой войны, снова актуальны иллюзии примирения, иллюзии перерождения. Весь опыт прошлого, кажется, забыт. Мы советуем каждому эмигранту вдумчиво прочесть соответствующие главы из книги Гуля.

Главы об "иллюзиях примирения" в книге воспоминаний Р. Гуля, к сожалению, переключаются с некоторыми тенденциями современности. Как нам бы хотелось, чтобы и другие главы, главы о расцвете русской культуры за рубежом, сильнее переключались с нашим временем. Какая это была богатая, бьющая через край жизнь! Сколько щелей было еще в железном занавесе! Как легко общался Гуль с советскими писателями, приезжавшими за границу!

Имена, имена, имена, которые известны всем образованным русским, и те, которые менее известны, перекрещивание, встречи между эмигрантскими писателями, поэтами, художниками и теми, кто приезжал из СССР. Да, НЭП был все же самым свободным периодом советской власти. Куда там хрущевская "Оттепель" по сравнению с тем временем.

Сколько было в эмиграции издательств, газет, журналов. Какая это была кипучая жизнь! И надо подумать, что в эмиграции были все же лишь остатки, обломки того, что росло и зрело в России. Сколько дала бы эта страна миру без "псевдонимов-чудовищ", как называет их Гуль. "По-моему, в этом есть что-то не случайное и страшное. Тут дело не только в конспирации "при царизме". Псевдонимы прикрывали *полулюдей*. Все эти заговорщики-захватчики были *природно* лишены естественных, полных человеческих чувств. О полноте чувства жизни хорошо у Пастернака говорит Живаго: "Человек рождается *жить*, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны..." Жизни псевдонимов были вовсе не жизнью людей. Их жизнью была исключительно — *партия*. В партии интриги, склока, борьба, но главное — власть, власть, власть над людьми. Кто прочтет книги бывшего большевика Н. Валентинова "Встречи с Лениным" и "Малознакомый Ленин" или книгу дочери Сталина Светланы Аллилуевой "Только один год", увидит разительное сходство октябрьских "псевдонимов" с "Бесами". Для меня эти "псевдонимы", эти вульгарные материалисты были получудовищами". стр. 25–26). Власть над людьми — уже тогда и до сегодня — это и есть *настоящий* марксизм.

Как страшно смотреть распространение этих получудовищ-бесов по миру. Достаточно хоть короткое время послушать партийные выступления на партийных собраниях молодых социал-демократов в Западной Германии (старшее поколение этой же партии состоит все же из

Мы сердечно поздравляем автора с 85-летием и желаем ему еще долгих плодотворных лет жизни.

Владимир РУДИНСКИЙ

ПРАВДА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ

В своей превосходной рецензии в № 628 "Часового" И. Коринкевич сказал о книгах Иосифа Мацкевича "Droga donikad" и "Nie trzeba głośno mówić" (связанных между собою по сюжету), что они как бы являются продолжением творчества Сенкевича на фоне иной эпохи. Это, мы полагаем, — очень высокий комплимент (и в данном случае вполне заслуженный); ибо Сенкевич принадлежит к числу лучших в мире мастеров исторического рома-

людей, которые, однако, не сумели воздействовать на свою партийную молодежь), как вокруг возникнет та же атмосфера нереальности, чистой головной партийности, отсутствия полнокровной жизни, той же интеллектуальной бесовщины. Она все еще разливается по миру, и конца пока не видно...

"Тогда, в декабрьские дни 1917 года, во мне жили два чувства: дневное и ночное. Дневное говорило: единственный путь — ехать на Дон и оттуда силой, железом подавлять всеобщий развал и бунт, дабы ввести страну в берега законности, правопорядка и отстаять идею Учредительного Собрания. Но ночью меня охватывало жутко-пронизывающее чувство, что Россия летит в пропасть и дна у этой пропасти нет и никогда не будет, что страна гибнет навсегда, навеки. Признаюсь, и теперь, через 60 лет, ко мне то и дело возвращается это ночное чувство. Кажется, что стремительный лет России в бездонную пропасть не кончился и через 60 лет, что Россия все еще куда-то летит и летит, не достигая дна. А до дна придет только во всеобщем космическом атомном катаклизме, когда и она и другие страны превратятся в отравленные полупустыни с миллионами трупов. Вот тогда "ленинская авантюра во всемирном масштабе" закончится. Дно будет наконец-то достигнуто", — пишет Р. Гуль. Будем надеяться, что Господь помилует нас и чаша сия пройдет мимо нас.

Две особенно задушевные, прекрасные главы посвящены двум женщинам, которых автор особенно любил: матери и жене. В одной из них описывается поистине чудесное бегство из уже советской России матери писателя и ее спасение. В другой, грустной, повествуется о последних днях и смерти его жены. Имя обеих было Ольга.

Заканчивается этот первый том впечатлениями от ареста в уже несвободной, гитлеровской Германии и эмиграцией из нее в свободную Францию.

С нетерпением мы будем ждать второго тома воспоминаний "Россия во Франции".

на, наравне с Вальтер Скоттом и Александром Дюма.

Напрашиваются и другие параллели — вне рамок польской литературы; в первую очередь, с "Войной и миром" Л. Толстого и с "Gone with the Wind" Маргарет Митчелл; и верно, что по структуре тут налицо полное сходство: картина периода перед войной, самой войны и ее завершения.

Можно бы сравнивать и с такими вещами

как "Корабли Старого Города" Ирины Сабуровой и "Двадцать пятый час" Виргилия Георгиу. Тут аналогия еще ближе в том, что во всех этих произведениях изображаются времена не отдаленные, а те, которые авторы видели своими глазами, но которые стали уже сейчас достоянием истории. Сабурова описала судьбы Латвии в период второй мировой войны, Георгиу — судьбы Румынии.

Мацкевич повествует прежде всего об участии Виленского Края и земель, входивших некогда в состав Великого Княжества Литовского. Однако во втором романе он далеко выходит за эти рамки, перенося действие не только в Минск и Смоленск, но и в Москву, Берлин и Варшаву, благодаря чему события охвачены весьма широко, тем более, что он не колеблется вводить фактические и документальные справки, иногда чрезвычайно ценные и новые для среднего читателя.

Сколько уже написано историй второй мировой войны! Но в них правды мало; а здесь мы имеем сплошную правду, хотя и облеченную в форму увлекательного, почти авантюрного романа.

Мацкевич дает нам отчетливую сводку чудовищных ошибок, какими немцы сумели превратить обеспеченную было им обстоятельствами победу в грандиозное поражение, и сатанински ловких ходов, какими большевики ухитрились спасти себя от надвигавшейся вплотную гибели и достигнуть для себя небывалого и неожиданного триумфа.

Национал-социалистическая Германия, с невероятной тупостью попирая чувства подчиненных народов, отвергая сотрудничество с силами, готовыми ее поддерживать во имя борьбы с большевизмом, оскорбляла, оттачивала и физически уничтожала своих потенциальных союзников.

Советская власть заставляла служить себе даже своих ожесточенных врагов методами принуждения, обмана и убеждения, используя национализм, патриотизм, религию, личные споры и раздоры, страхи и надежды самых различных классов населения захваченных немецкими войсками территорий.

Чудесно показано, как под игмом коммунистов, перед войной, в захваченных ими Западной Белоруссии и Литве национальная вражда, социальная рознь, различие политических взглядов отходили на задний план перед лицом ненависти к кошмарному режиму, в котором людская масса ощущала нечто нечеловеческое, угрозу всем своим вековым ценностям.

И как все эти различия воспрянули после прихода немцев, раздуваемые их нелепой политикой и умело эксплуатируемые советским пропагандным аппаратом, и как в хаосе братоубийственного конфликта между поляками и

литовцами, украинцами и поляками и ориентации польского общественного мнения на Англию потонула всякая возможность совместного в дальнейшем отпора Советам.

Волнующий, драматический рассказ о жизни людей, становящихся для нас реальными и близкими; кусок истории, тем более жгучей, что недавней, — книги Мацкевича не суть, конечно, сборник рецептов политической борьбы. И, тем не менее, ряд как нельзя более полезных и актуальных указаний из них встает с полной ясностью:

1. Ни ради каких соображений недопустимо вступать в союз с большевиками. Это всегда худо кончается. Как и окончилось для поляков, пытавшихся при сопротивлении немцам делать ставку на СССР. В этом смысле правильно говорит один из героев Мацкевича, Генрик, что он всегда готов бороться с немцами, но никогда — вместе с большевиками;

2. В борьбе с большевиками национальный вопрос должен отступать на второй план. Дружба поляка Генрика и литовца Пожеласа была для них источником силы, и ее разрыв для обоих ускоряет путь к гибели;

3. Никакой компромисс с большевизмом, никакая с ним сделка для меньшевиков невозможны. Кто пытается к нему приспособиться, гибнет все равно, как и ему противящиеся; а если и сохраняют жизнь, то такую, которая хуже смерти. Идущие с ними делают их орудием, или слепым, как Конрад, или сознательным, как ренегат Кароль, изменяющий всем своим прежним убеждениям. С большевиками пригоден лишь один язык: "В них надо стрелять!" И на этом пути группа русских старообрядцев, дерущаясь с партизанами и чекистами не только ружьем, но и топором, избирает благую часть (они и остаются целы);

4. Практический опыт лучше всего раскрывает глаза на сущность большевизма. Отсюда в романах Мацкевича различие в психологии жителей Вильны и ее окрестностей и поляков из собственно Польши, не видавших до войны советского строя.

Не будем перечислять другие принципы, вытекающие из повествования: читатель их найдет и оценит на своем месте, вкрапленные в ход действия.

Нельзя достаточно похвалить справедливость и объективность автора по отношению к представителям, появляющимся у него на сцену, самых различных национальностей; полякам, литовцам, белоруссам, евреям и русским (и это мы особо можем оценить, так редко встречая сочувствие со стороны иностранцев). Таково же и его отношение к религии: если бы судить только по книгам, не скажешь, католик он сам, или православный.

Среди многочисленных русских персонажей

в "Nie trzeba głośno mówić" возчик Анатолий Ушков, архимандрит Серафим (один из самых светлых образов в книге), белогвардеец Рогожин, загадочная Настасья Ипполитовна. Интереснее всех, пожалуй, Антон Панисенко, молодой советский инженер, перебегающий в немецкую зону в поисках средств и лозунгов для свержения большевизма, входящий в контакт с русскими монархистами в Берлине, при-

нимающий участие в работе германской анти-советской пропаганды и постепенно убеждающийся в ее несостоятельности.

Мы говорили до сих пор о содержании романов Мацкевича. Если же говорить об их литературном качестве, то тут сомнений быть не может: они относятся к самым замечательным беллетристическим сочинениям в мировой литературе за последние 10-20 лет.

В. КОБЫЛИН

ЧЕХОВ

В прошлом году вышла книга профессора д-ра Эдуарда Леопольдовича Бройде "Чехов. Мыслитель. Художник (100-летие творческого пути)".

Книга производит прекрасное впечатление. Автор книги в своем предисловии пишет: "Данная книга — первая часть монографии, итога четверти века исследований". В своем труде д-р Бройде тщательно разбирает творчество Чехова. В оглавлении указаны некоторые произведения, которым автор уделяет особое внимание; это "Безотцовщина", "Иванов", "Рассказ Неизвестного", символика "Вишневого Сада", "Скрипка Ротшильда", "Палата № 6", "Черный Монах" и "Архирей".

В своем предисловии автор дает о себе некоторые биографические сведения, а затем, в конце, говорит о мировосприятии Чехова следующее:

"Мировосприятию Чехова присущ юмор, ирония, скепсис, отвергающий наукообразные формулировки, поэтому в книге избегаются штампы ("реализм", "символизм" и пр.) Для Чехова-мыслителя культура вбирает общечеловеческую нравственность, национальные духовные ценности, способность к подвижничеству. Без глубокой Культуры любви те "самые лучшие" идеолого-политические построения ведут к катастрофе, предупреждал Чехов. На рубеже XXI века это особенно актуально. Возрождение немыслимо без культуры, символом которой являются Чехов, Толстой, Достоевский..."

Уже и по предисловию, и по оглавлению можно предугадать, каким образом автор исследует творчество Чехова, по какому пути он идет, чтобы раскрыть всю сущность внутреннего мира писателя.

Интересно, что Чехов, как в свое время и Гоголь, и даже Достоевский, был воспринят своими современниками, еще при его короткой жизни, как что-то вроде "бытописателя". О Гоголе писали, что он показывает "жизнь глухой провинции", а о Достоевском, что он "жестокый талант".

Только после смерти Чехова появляются критические труды, в которых он показан уже как мыслитель и подлинный художник. И уже после катаклизма, русской революции, Чехов становится для всей мыслящей общественности, как русской, так и заграничной, глубоким мыслителем, который исследовал многие проблемы, предугадав в этом надвигающуюся катастрофу.

В своем труде д-р Бройде показывает Чехова как человека сильного характера. Он принял участие в борьбе с эпидемией холеры, строил школы, насаждал

сады, бесплатно лечил крестьян. Все это он совмещал с беспрерывным и нелегким писательским трудом.

Но Чехова стали понимать уже после его преждевременной кончины. Известный критик Эйхенбаум писал: "Чеховский метод снимал различия и противоречия между социальным и личным, историческим и интимным, общим и частным, большим и малым". Тот же Эйхенбаум пишет: "Чехов достиг подлинной свободы — отказался от любой заготовленной мерки, предвзятых оценок, положительных героев, завершенных сюжетов. На самом деле это оказало сильнейшее влияние не только на русскую, но и на мировую литературу. Освободившись от авторского вмешательства, люди стали разговорчивее и откровеннее, а читатель получил возможность подойти к ним ближе и понять их глубже".

Чехов не придавал никакого значения принадлежности к каким-либо партиям или организациям с мировоззрением, принятым как доктрина, как непогрешимая аксиома.

Он говорил: "Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало".

А про людей, которые повторяли чужие мысли, выдавая их за свои, Чехов метко сказал: "В пятом классе гимназии поймал 5—6 чужих мыслей, застыл на них и будет упрямо бормотать до самой смерти."

Э. Бройде подчеркивает желание Чехова показать в пьесах "Безотцовщина" и "Иванов" всю убогость общественных "корифеев" того времени. Люди, жившие еще идеалами шестидесятых годов и не понимавшие, что их "идеалы" лишены подлинного нравственного начала, а только полны выхолощенной доктриной "народничества", представляют собой жалких демагогов, строго хранящих "заветы" и прочую чепуху. И Чехов талантливо и убедительно показал и их природную глупость, и незнание жизни. Но эти демагоги держат, так сказать, в духовном повиновении всю "прогрессивную" общественность, называя это идеологией, что и является основой любого тоталитаризма.

В "Рассказе Неизвестного" показан человек, который начинает прозревать, который увидел жизнь такой, как она есть, без всяких "идеологических" прикрас. "Похоже было на то, как будто я только впервые стал замечать, кто кроме задач, составляющих сущность моей жизни, есть еще необъятный внешний мир..." Э. Бройде подробно анализирует человека, "очнувшегося" от всех партийных, доктринерских предписаний и открывшего глаза на подлинный, окружавший его мир. Чехов исследует природу идеологической лжи, когда подлинный мир подменяется миражом.

Более подробно автор "Чехова" останавливается на "Вишневом Саде". Вкратце покажем, как Э.Бройде видит символическое значение этой пьесы.

Сад — это прежняя жизнь, естественная, устоявшаяся веками. Рубка сада топором — это предчувствие грядущей катастрофы-революции. И "силы зла одержат победу, если вовремя не осознать необходимости сопротивления злу."

Э. Бройде чрезвычайно подробно разбирает, берет, так сказать, под увеличительное стекло как и все содержание пьесы, так и исполнение ее Художественным Театром. Все высказывания критического характера анализируются и раскрываются в том замысле, который, по мнению комментатора, был преподнесен читателю. Э. Бройде пишет в своей книге: "Чехов показал целый ряд идейных актеров, влюбленных в свою красивую роль, где все ложь, притворство, игра. В их речах, как и в "Вишневом Саду", встретим "... всяких там Боклей, Прудонов и т.д. Игра в идеологию присуща людям, как и алкоголизм: "опьянение" сладостно. Тщеславие, мелочность и ложь без конца. Самообман и беспробудное опьянение не только вождей-идеологов, но и "народных масс" отлично характеризует XX столетие. Ложь — тот же алкоголизм". Чехов писал: "Лгуны лгут и умирая".

Чехов отвергал любой догматизм, в любой его разновидности, в любой "красивой упаковке партийных программ". Э. Бройде пишет, что "Чехов, как и вся классика, в силу специфических обстоятельств, занимает центральное место в труднейшем процессе духовного Возрождения, переоценки ценностей. Символика Сада вобрала в себя философскую сущность всего творчества Чехова". Очень хорошо подметил Э. Бройде, что у Чехова, как и у Гоголя, произведения не отражают реалистически одной какой-либо ограниченной временем "эпохи" и не являются разоблачительными. В противном случае была бы утрачена обращенность к извечно-общечеловеческому.

У Чехова наблюдается, как ни у кого другого, совмещение комического и трагического элемента. Так, описывая и глухую провинцию России, и деревню, Чехов показывал, как и Гоголь в "Мертвых Душах", всечеловеческие пороки, жизненные процессы и судьбу человека.

Одними из лучших произведений Чехова являются "Палата № 6" и "Архиерей". В интерпретации Э.Бройде врач-психиатр Рагин, директор больницы для душевнобольных, не может понять, будучи на свободе и в нормальных условиях, больного Громова, который "заточен в злой палате". Рагин равнодушен к чужим страданиям, он все объясняет "случаем". Тут, конечно, совсем отсутствует нравственное начало, не говоря уже о христианском подходе к жизни и людям. Чехов ярко и убедительно показывает равнодушные человека к своим ближним. Когда Рагин начал беседовать с "пациентом" Громовым, то он, очевидно, впервые в своей жизни столкнулся с доводами такими, какие ему преподнес "сумасшедший". Громов говорил: "Бог создал меня из теплой крови и нервов. На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость — негодованием, на мерзость — отвращением". Когда Рагина как "больного" вталкивают в эту же ужасную "Палату № 6", он воспринимает уже все по-новому. И тут Чехов превосходит сам себя в описании переживаний Рагина. Л. Толстой и Лесков чрезвычайно высоко ценили эту вещь Чехова.

"Архиерей" Чехова — насыщенный трагизмом произведение, хотя в нем и говорится о самом обыкновенном. Тут, конечно, есть автобиографические черты. Чехов двадцать лет был болен чахоткой, от которой он и умер в возрасте сорока четырех лет. Архиерей умирает от чахотки, и все его переживания тесно связаны с его смертельной болезнью. Чехов был совершенно искренен, когда говорил, что он не боится смерти. Архиерей, как человек верующий, не боится тоже, конечно, смерти. Но в этом рассказе поражает все поведение Архиерея, который находился уже как бы под "протекторатом смерти". Умиравший Архиерей по-новому воспринимает весь окружающий его мир. А затем уже, умирая, "... и представлялось ему, что он уже простой, обыкновенный, человек идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно".

Э. Бройде по поводу "Архиерея", как и по поводу других чеховских вещей, пишет, что "Город" или "Палата" (условные обозначения человеческих замыслов со всякими "идеологиями") мешают "слиться с правдой", как многим, так и Архиерею. Мне кажется, что Архиерей всегда был далек от всех "идеологий". Он как служитель Церкви был весь устремлен только к Богу, и его предсмертное видение, когда он шел по полю, было его путем, конечно, к Богу.

Очень бегло, так как журнальная рецензия не дает возможности подробней остановиться на разборе книги Э. Бройде "Чехов", я разобрал то, что казалось более значительным, и теперь хочется сказать немного и о самом Чехове, и о том, что бросается в глаза при чтении книги Э. Бройде.

Чехов, как известно, был неверующим. Вот, что Бунин пишет об этом: "Что думал он о смерти? Много раз старательно-твердо говорил, что бессмертия, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор. "Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертия — вздор". Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное: "Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертия — факт. Вот погодите, я докажу вам это".

Из этих коротких, отрывистых фраз видно, что Чехов, как и вся "переводная" общественность того времени, если и думал о вечности, то только в категориях философского характера. Простые слова Господа Иисуса Христа: "Будьте как дети, иначе не увидите Царство Небесное", — не раскрывались, как единственно возможные для душевного покоя и полной уверенности в бессмертии души.

А вот Достоевский писал в своем "Дневнике": "Только с верой в свое бессмертия человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни ведет к самоуничтожению. Идея о бессмертии — это сама жизнь, ее окончательная форма и главный источник истины. Без высшей идеи о бессмертии не может существовать ни человек, ни нация. Все остальные "высшие" идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной нсс вытекают". ("Дневник", т. X, 425-26).

Как мы видим, миропонимание Достоевского и Чехова очень различно. Но, имея в виду творчество

Чехова, его стремление к Правде, к простоте, к Добру, хочется думать, что у Чехова, при его видимом неверии, подспудная, пассивная, неосознанная им религиозность одушевляет его искусство. Чехову, не познавшему собственных религиозных истоков, пути к примирению, к очищению были закрыты. Он безысходно оставался в драме, был обречен на нее. Лирика Чехова не спасла его искусства от драматической безвыходности, потому что лирика эта была происхождения совсем не религиозного, а всего лишь человеческого, гуманного. Безверие Чехова, или, вернее, неспособность этого большого художника постичь и обнаружить собственную подспудную религиозность, порождало в нем отчаяние.

Борис Зайцев в своей книге о Чехове пишет: "Всю жизнь его развитие шло по двум линиям – в разные стороны... Материализм доктора Чехова получил поддержку в среде, куда литературно он переместился (левая интеллигенция) ... Надо верить в прогресс, через двести-триста лет все будет замечательно... церковь и религию давно надо побоку. Это путь общего потока... А главное в нем было нечто подземное, совсем в другом роде. С годами, в страданиях болезни, в одиноких ялтинских созерцаниях, в ощущении близкого конца... оно росло, просветлялось, искало выхода и нечто открывалось ему, о чем разумными словами он сказать не умел. Это был несознанный свет высшего мира, Царства Божьего "которое внутри вас есть". Но сознать скрыто присущую ему как челове-

ку и художнику религиозность и тем самым сознать нечто о существовании Единого Творца Чехову дано не было. И только духовная мощь Достоевского, прошедшего через испытания неверием и в борьбе за собственное и наше бессмертие, преодолела тяготение рока и показала "стихию чуждую, запредельную".

Теперь несколько слов о книге Э. Бройде. Это, повторяю, очень ценный труд. Но вот в предисловии к своей книге он пишет: "Для Чехова-мыслителя Культура вбирает общечеловеческую нравственность, национальные духовности, способность к подвижничеству. Возрождение немислимо без Культуры, символом которой является Чехов, Толстой, Достоевский..."

Культура с большой буквы красной нитью проходит по всей книге Э. Бройде. Я позволю себе с этим не согласиться. Никак не отрицая, конечно, значения подлинной культуры, я все же не могу согласиться со "спасительностью" культуры. А уж в особенности, когда мы говорим о возрождении. Возрождению чего? Возрождению духовных сил в России, возрождению нравственного начала, не гуманистического характера, а единственно возможного очищения от всей лжи, обмана и извращения человеческого несовершенства, и восстановления не культуры, а духовного, Божественного просветления.

И надо сказать самое главное и единственно спасительное – о принятии религиозного начала, как цели жизни.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА: На стр. 45 в № 21 есть, к сожалению, опечатка, превращающая смысл фразы в противоположный. Написано: "К сожалению, значительная часть известных лиц из третьей волны стоит на платформе **сопротивления** мировому злу коммунизма". Следует, конечно, читать: "... на платформе **непротivления** мировому злу коммунизма."

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
 Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
 Банковский счет: Hypotheken – und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

"Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

ЯН ПРОХАЗКА.

*Плохая история?
Плохие народы??
Плохие вожди???*

*НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ
ДОРА ШТУРМАН В КНИГЕ
"НАШ НОВЫЙ МИР"*

Рукопись книги "Наш новый мир" (Теория. Эксперимент. Результат.) циркулирует в Самиздате с начала 70-х годов под псевдонимом В.Е.Богдан и была нелегально вывезена из СССР. Автор, эмигрировавший в Израиль, дополнил рукопись (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно подтвердили достоверность "подпольного" анализа. А значит, труд Д. Штурман может быть своего рода ориентиром для прогнозов развития советской системы.

Объем книги — 360 страниц; цена, включая пересылку, — 10 долларов (стоимость в Израиле — 75 шекелей). Книгу можно получить, отправив чек по адресу:
Sergei Tiktin, 422/6 Talpiot Mizrahk, Jerusalem 93802.

Протоиерей Д. Константинов

V. Rev. Dimitry Konstantinow

**ЗАПИСКИ ВОЕННОГО
СВЯЩЕННИКА РОА**

**THE CROWN OF THORNS
Russian Orthodox Church in the USSR
1917–1967.**

1980.

ZARIA 1979.

Стр. 78 с илл. Цена \$ 3.50 с пересылкой.

344 pp. Price: \$10 incl. postage

Заказы направлять:

ZARIA Publishing Co. 73 Biscay Rd., London, Ontario, Canada N6H 3K8.

или

V. Rev. Dimitry Konstantinow,

P. O. Box. 272, West Hyannisport, Mass. 02672.

